

ТАССА РЭЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Муж ПОДРУГИ

НЕОБЫЧНАЯ УСЛУГА

Тэсса Рэй

Муж подруги. Необычная услуга

«Автор»

2025

Рэй Т.

Муж подруги. Необычная услуга / Т. Рэй — «Автор», 2025

Мне нужно срочно забеременеть. Но есть одна проблема: у меня даже парня нет. Потому что я слишком много работаю! Из-за него! Моего босса и бывшего моей подруги. Холодного сухаря без жалости и эмоций! Но однажды он предложил мне свои услуги...

© Рэй Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	15
6	18
7	21
8	24
9	27
10	29
11	32
12	35
13	37
14	41
15	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тэсса Рэй

Муж подруги. Необычная услуга

1

– Нет, он точно не человек, я вам говорю! – деловито подчеркнула Ленка, добавляя щедрую порцию сахара в чай. – Приходит рано утром, уходит с рассветом...

– Еще скажи, что кровопийца! – хохотнул Вовка. – Вы ж, женщины, вроде как, любите таких.

Сквозь стеклянные витрины кафе пробивались лучи летнего солнца, заливая светом столики.

Я помешивала ложечкой свой латте, стараясь не вслушиваться в разговор коллег. Обычно мне нравилось обедать с ними, но сегодня...

Сегодня каждая их реплика звучала будто сквозь вату и громкий гул сердца в ушах.

– Ну я не знаю, как так можно! – возмущалась Ирка, энергично размахивая вилкой с салатом. – Мы тут пашем, как проклятые, а он не ценит! Я ему отчет три дня готовила, распечатала, принесла – а он просто кивнул, даже не взглянул. Словно одолжение делает!

– Да ладно тебе, Ир, – протянул Вовка, откусывая огромный кусок пиццы. – Ты что, первый день работаешь? Он же у нас такой всегда. Главное, зарплату платит, остальное – детали.

– Зарплату платит? – передразнила Ирка. – А за моральный ущерб кто платить будет? Я уже неделю спать нормально не могу из-за этого слияния. Два издательства вместе – это же огромная ответственность! А он даже не чешется!

– Говорят, партнерша у него там – огонь-баба, – подхватила Лена, загадочно прищурившись. – Бизнес-леди, все дела. Может, она его в чувство приведет.

– Да уж, – хмыкнул Вовка. – После того как его жена так жестоко бросила, да еще и сразу после свадьбы... Ему, наверное, любая покажется богиней.

Я поежилась. Мне не нравилось слушать все эти сплетни. Казалось, будто мы копаемся в чужом грязном белье. А сегодня особенно.

К горлу подкатил ком, и я старалась смотреть в окно, на спешащих мимо людей.

– Да она, наверное, его за глотку возьмет, – продолжала Лена. – Говорят, она такая... с характером. Может, и к лучшему. Хоть кто-то его добрей сделает.

– А вдруг она вообще компанию переделает всю под себя? – заволновалась Ирка. – Тогда нам всем хана. Уволит всех на раз-два и своих людей приведет.

Я украдкой взглянула на часы. До конца обеда оставалось еще целых двадцать минут. Двадцать мучительных минут, наполненных злобными перешептываниями и перемыванием косточек несчастному боссу.

Ирка хотела что-то сказать, но осеклась, заметив, что я совсем не участвую в разговоре.

– А ты чего такая тихая, Сапрыкина? – спросила она. – Все хорошо?

Я с трудом выдавила улыбку.

– Да, все нормально, – пробормотала я. – Просто немного задумалась. Так, по работе.

На самом деле, я изо всех сил старалась не разрыдаться. Сегодня утром врач озвучил приговор, который перевернул мою жизнь.

Сказал, что у меня мало шансов иметь детей. Если не воспользуюсь им прямо сейчас – другой возможности не будет.

Мой мир рушился, как карточный домик, а коллеги обсуждали босса, его бывшую жену (между прочим, мою лучшую подругу!) и загадочную бизнес-леди.

Мне казалось, будто кто-то невидимый давит на меня, не давая дышать. Я чувствовала себя такой маленькой и беззащитной.

Я снова посмотрела в окно. Мимо проходила молодая женщина с коляской. Она улыбалась своему малышу, и в ее глазах светилась такая нежность и любовь, что у меня защемило в глазах. Я отвернулась, чтобы никто не заметил моих слез.

Хоть бы поскорее закончился этот обед!

Хоть бы уйти отсюда, в тишину и одиночество, где можно будет выплакаться.

Я сидела у окна, невидящим взглядом уставившись на прохожих. Слезы беззвучно катились по щекам, оставляя влажные дорожки.

Даже не заметила, как коллеги разошлись, оставив меня одну в опустевшем кафе. Гомон стих, и теперь слышался лишь приглушенный шум уличного трафика.

В голове снова и снова звучали слова врача: "...осталось совсем немного времени... ваш шанс – ближайшие полгода, максимум год... потом, к сожалению, будет слишком поздно..."

Как же так? Почему именно я? Почему судьба так несправедлива? Я всегда мечтала о большой семье, как у моих родителей, о детях, которые будут бегать по дому, смеяться, рисовать на обоях...

И самое ужасное – у меня даже нет любимого человека, с которым я могла бы разделить эту боль, с которым мы могли бы вместе попытаться осуществить мою мечту.

Я одна. Совсем одна.

2

Внезапно тишину нарушили чьи-то шаги. Я вздрогнула и поспешно вытерла слезы тыльной стороной ладони. Не хватало еще, чтобы кто-то увидел меня в таком состоянии.

– Эля? У тебя все в порядке? – прозвучал осторожный голос.

Я подняла голову и увидела Зою, секретаршу нашего босса. Зоя. Ее все недолюбливали. Считали высокомерной, холодной и отстраненной. Но сейчас в ее глазах я увидела искреннее беспокойство.

– Да, все нормально, – пробормотала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Просто... немного устала.

Но Зоя не поверила. Она присела на стул напротив меня и внимательно посмотрела в глаза.

– Но... я же вижу, что это не так. Что-то случилось?

И меня прорвало!

Все чувства, которые я сдерживала в себе в течение дня, вырвались наружу, как бурный поток. Я сама не ожидала от себя такой откровенности, но слова лились из меня сами собой, как будто кто-то открыл кран.

– Я... я сегодня узнала... – всхлипнула я. – Что у меня... у меня осталось совсем мало времени... чтобы... чтобы иметь детей. Врач сказал, что... что у меня есть последний шанс... полгода... год... а потом... потом все... Я никогда не смогу стать мамой!

Я зарыдала в голос, закрыв лицо руками.

Зоя молча сидела рядом, не перебивая меня. Она просто ждала, пока я выплачусь и смогу говорить дальше.

– А у меня даже парня нет! – воскликнула я сквозь слезы. – Что мне делать? Где мне найти мужчину для такого серьезного дела так быстро? Как мне успеть... Я же всегда мечтала о детях...

Зоя вздохнула и положила свою руку поверх моей. Ее ладонь была холодной, но прикосновение неожиданно принесло мне облегчение.

– Я понимаю, как тебе тяжело, – сказала она тихо. – Это ужасно... Но ты должна взять себя в руки.

– А что я могу сделать? – прошептала я. – Время уходит...

– Ты можешь сделать все, что в твоих силах, – ответила Зоя. – Не сдавайся. Попробуй все возможные варианты. Сходи на свидания, зарегистрируйся на сайтах знакомств...

– Но... Эти мужчины, они же сбегут от меня сразу, как только я скажу, что мне от них нужно!

Они и так сбегают. Сразу, как только я начинаю верить, что у нас все серьезно – что обязательно идет не так.

Петя, например. Помню, как он клялся в вечной любви, в том, что я – смысл его жизни. "Я без тебя, как без воздуха, – шептал, обнимая так, что ребра трещали. – Ты – мое все".

А потом, когда я слегка намекнула, что мне хотелось бы немного больше внимания, немного меньше времени с его друзьями и немного больше с моими, он уставился на меня как на чудовище. "Ты что, хочешь меня под каблук загнать?" – процедил сквозь зубы, и через неделю я узнала, что он в баре клеит какую-то блондинку с силиконом и интеллектом морской свинки.

А Вадим? Интеллектуал, казалось бы. Читал Кафку в оригинале, цитировал Ницше наизусть. Ухаживал красиво, водил по выставкам, дарил книги с философскими посвящениями.

Я уже поверила, что нашла родственную душу, что встретила человека, который понимает меня, как никто другой. А потом выяснилось, что он живет с мамой. И не просто живет, а беспрекословно слушается ее во всем. Мама выбирала ему одежду, готовила ему еду, контролировала его расходы. А когда я мягко предложила ему пожить отдельно, хотя бы попробовать, он закатил истерику в стиле "Ты хочешь разрушить мою связь с мамой! Ты хочешь меня бросить в этот жестокий мир одного!". И сбежал, естественно, к маме под крыло.

Или вот, Игорь. Казалось бы, вполне успешный бизнесмен, своя квартира, машина, загородный дом. Я думала, наконец-то нашла мужчину, который может обеспечить стабильную жизнь, который не боится брать на себя ответственность. Но стабильность эта оказалась липовой. Он помешан на работе, готов работать 24/7. Никаких выходных, никаких отпусков, никаких вечеров вместе.

Я чувствовала себя как мебель в его квартире – вроде как есть, но внимания на меня никто не обращает. И когда я сказала, что мне нужно немного больше времени, немного больше эмоций, немного больше тепла, он раздраженно ответил: "У меня нет на это времени! У меня бизнес! Тебе что, денег мало?" И сбежал в свой бизнес, как в крепость, где ему никто не сможет достать до его черствого сердца.

Они все такие. Эти мужчины. Трусливые, инфантильные, эгоистичные. Они боятся ответственности, боятся серьезных отношений. Им нужны куклы, которые будут смотреть на них восхищенным взглядом и молча выполнять все их прихоти.

А я... Я не такая. Я хочу любви, настоящей любви, основанной на взаимопонимании, уважении и поддержке. Я хочу семью, детей, совместное будущее.

Но, видимо, я слишком много прошу. Даже мой организм, похоже, так решил...

– Обратись в клинику репродуктивной медицины, – Зоя отвлекла меня от печальных мыслей. – Сейчас это очень популярно. Не теряй надежду.

Я подняла голову и посмотрела на Зою. В ее глазах я увидела сочувствие и поддержку. Да и ее предложение звучало не так ужасно. Почему я сама не подумала о клинике?

Неожиданно я почувствовала себя немного лучше.

– Спасибо, – прошептала я. – Спасибо, Зоя.

Внезапно за нашими спинами раздался тихий звук. Казалось, кто-то встал из-за стола.

Я обернулась и увидела нашего босса, Дмитрия Сергеевича. Он стоял, опираясь на край перегородки, отделяющей столики.

В его взгляде было что-то такое... Я была уверена, что он все слышал. Все мои слова, все мои слезы. А еще, наверное, и перебивание косточек ему от Ирки с Вовкой.

За последнее мне не очень-то стыдно, ведь я не говорила ничего плохого о нем. Но то, что я сказала о своей деликатной проблеме...

Вот же черт!

Дмитрий Сергеевич молча смотрел на меня, и я почувствовала, как краска заливает мое лицо. Как же стыдно! Как неловко!

– Простите, – пробормотала я, опуская глаза. – Я... пойду, наверное.

Я встала из-за стола и быстро убежала из кафе.

3

Вернувшись к своему рабочему месту, я ощутила, как будто меня окатили ледяной водой. Современный просторный офис с его панорамными окнами и видом на город, обычно вдохновлявший меня, сегодня казался холодным и чужим.

Коллеги, погруженные в свои задачи, даже не заметили моего отсутствия, будто ничего и не произошло. Только я знала, что моя жизнь только что перевернулась с ног на голову.

Я медленно опустилась в свое кресло, чувствуя, как дрожат колени. В голове крутились обрывки разговоров, слова врача, внезапная поддержка Зои и, главное, этот... этот взгляд.

Дмитрий Сергеевич Романов. Мой босс. Бывший муж моей лучшей подруги Веры. Мужчина, которого я всегда боялась до мурашек. Он излучал такую силу и уверенность, что в его присутствии я чувствовала себя... уязвимой и глупой.

Он держал меня на расстоянии, всегда холодный и отчужденный. И именно этот человек услышал о том, что мне срочно нужно родить ребенка.

Я помнила его взгляд в кафе. В его глазах мелькнуло что-то такое... Что-то, чего я никогда раньше не видела. Будто маска строгости и безразличия на секунду треснула, обнажив скрытые чувства. Там была печаль. Сочувствие. И... да, я не могла ошибиться... там была нежность.

Нежность? Ко мне? Это казалось невозможным. Дмитрий Сергеевич и нежность – это два несовместимых понятия. Но я видела это. Я чувствовала это. И это заставляло мое сердце биться еще сильнее.

И теперь не понимала что меня потрясло больше: новость о том, что мне нужно поскорее стать мамой или... его взгляд?

Да, ну! Нет. Не может этого быть. Мне просто показалось

Я всегда знала, что Дмитрий Сергеевич – особенный человек. Он умный, талантливый, целеустремленный. Он добился всего сам, своим трудом и упорством.

Он был бы идеальным мужем для Веры. Наверное...

Но они не смогли быть вместе. Вера ушла (даже, можно сказать, убежала!) от него, не выдержав его холодности и одержимости работой. Она говорила, что он не умеет любить, что он не способен на искренние чувства.

И я всегда ей верила. Но теперь... Теперь я не знаю, что и думать. Тот взгляд, который я увидела в его глазах, заставил меня задуматься. А что, если Вера ошибалась? Что, если Дмитрий Сергеевич просто боится или не умеет проявлять свои чувства?

Глупости!

Я пыталась заглушить мысли работой, как будто можно было просто выключить тумблер в голове и перестроиться в режим «ответственного сотрудника».

На экране монитора пестрели тикеты – вечная головная боль техподдержки самиздата.

«Как загрузить обложку?», «Почему не отображаются главы?», «Где мои выплаты?» – вопросы, вопросы, вопросы. Будто я могла решить их проблемы, когда моя собственная жизнь висела на тоненькой ниточке.

Стучала по клавишам, отправляла стандартные ответы, копалась в базах данных. Авторы самиздата – народ капризный, но родной. Многие из них, такие же мечтатели, как и я, только реализовавшие себя. По крайней мере, не скрывающие того, чем они занимаются.

Хотя... о какой реализации могла идти речь теперь, в моем положении?

Пальцы машинально выполняли привычные действия, но мысли упорно возвращались к одному и тому же – к закрытой двери кабинета босса. К Дмитрию Сергеевичу.

Каждый раз, когда кто-то проходил мимо, я невольно вздрагивала. Каждая тень, мелькнувшая под дверью, вызывала у меня бурю эмоций.

Работа не помогала. Утешение в текстах не находилось. Ироничные ответы на вопросы о верстке казались чуждыми и пустыми. Продуктивность падала с каждой минутой. Я понимала, что вместо того, чтобы решать чужие проблемы, я только усугубляю собственные.

В перерывах между тикетами я пыталась убедить себя, что мне просто показалось. Что взгляд Дмитрия Сергеевича был всего лишь мимолетным проявлением сочувствия. Все-таки, я – лучшая подруга его бывшей жены. Не чужой и не последний для него человек...

...наверное.

Но сердце упрямо твердило другое. Что-то изменилось.

Прошел час, потом еще один. Я сидела, как парализованная, уставившись в монитор компьютера, не видя и не слыша ничего вокруг. Я чувствовала себя потерянной и одинокой. Меня терзали противоречивые чувства: страх, волнение, безысходность.

Я понимала, что должна что-то делать. Я же не могу просто сидеть и ждать, пока время уйдет.

Снова почувствовала, как к горлу подступает ком. Слезы навернулись на глаза, готовые вот-вот хлынуть потоком. Я постаралась сдержаться. Нельзя плакать.

Вечером, собираясь домой, я снова увидела Дмитрия Сергеевича. Он выходил из своего кабинета, одетый в строгий костюм, как всегда безупречный и элегантный.

Он бросил на всех работников мимолетный взгляд, и наши глаза встретились. Холодность. Сдержанность. Пустота. Он быстро отвел взгляд и, не говоря ни слова, направился к выходу.

Значит, показалось.

4

Захлопнув дверь своей просторной квартиры, я обессиленно прислонилась к ней спиной. Тишина, контрастируя с гулом офисного дня, была оглушительной.

Родители души во мне не чаяли. Я – самая младшая в семье. Их “солнышко”. Они всегда старались дать мне все самое лучшее.

Эта квартира, подарок на окончание университета, – лишь одно из подтверждений их безграничной любви.

Семейный бизнес, сеть ресторанов, позволял им купать меня в заботе, но никакие материальные блага не могли заменить тепла их взаимной привязанности.

Любовь мамы и папы всегда была для меня эталоном, идеалом, к которому я подсознательно стремилась. И, наверное, именно поэтому мои собственные отношения неизменно терпели крах, разбиваясь о суровую реальность.

Не раздеваясь, я прошла на кухню. Просторно, светло, уютно. Здесь все пропитано маминзой заботой и ее безупречным вкусом. Она выбирала каждый предмет интерьера, каждую вазочку, каждую картину. Хотела, чтобы мне было здесь комфортно и спокойно. А мне... а мне здесь одиноко.

На кухню лениво притарабанил мой кот – Димон. Да, Димон. Так его подруга Вера нарекла. Сказала, что это очень полезно для психики – называть питомца в честь босса. Чтобы можно было разговаривать с животным, ругать его за проказы, тем самым снимать стресс.

Когда она это предложила, она еще не была знакома с Дмитрием Сергеевичем. А теперь находит его кличку еще смешней. А я не стала с ней спорить.

– Привет, толстяк, – я взяла ленивого, пухлого пушистика на руки, поглаживая его под подбородком. Он был рыжий, лохматый и очень-очень ленивый. На босса вообще не похож. Но как-то уже приклеилось. – Скучал?

– Мур, – ответил кот.

Только он меня понимал.

Приготовив себе нехитрый ужин – салат и кусок рыбы на пару – я машинально помешивала вилкой овощи, размышляя о предстоящем разговоре с мамой.

Как ей сказать? Как объяснить, что я решила стать мамой... без мужчины? Без отношений? Без любви? Как объяснить, что мне нужно родить ребенка, но я не хочу повторить судьбу многих знакомых, живущих в несчастливых браках, полных разочарования и обид?

Как донести до нее, что я верю в возможность осознанного материнства, в возможность воспитать счастливого человека, даже если у этого человека не будет «полноценной» семьи в общепринятом смысле этого слова?

Она ведь не поймет. Она всю жизнь учила меня ждать своего принца, свою половинку, свою родственную душу. Она вздыхала, глядя на соседок, воспитывающих детей в одиночку, и всегда говорила: «Ребенку нужны оба родителя. Ему нужна мужская любовь и поддержка».

После ужина, убрав со стола, я села за ноутбук. Обычно, в это время, я открывала свою страничку профиля писателя под ником Экс Эль и погружалась в мир фантазий, создавая новые горячие истории для своих многочисленных читателей.

Писательство было моей отдушиной, моей возможностью убежать от реальности, заполнить пустоту внутри себя. Я держала свое увлечение в тайне и не говорила никому. Даже Вере. Но сегодня... Сегодня мне было не до творчества.

Впервые вместо того, чтобы открыть текстовый редактор, я запустила браузер и ввела в поисковой строке: «Клиники репродуктивной медицины Москвы».

Дрожащими пальцами я прокручивала страницы с рекламой, отзывами, фотографиями улыбающихся пар с новорожденными на руках.

Все казалось таким чужим, таким далеким от меня. Я – одна. Без мужчины. Без поддержки.

Я переходила с одной страницы на другую, сравнивала цены, изучала лицензии, читала отзывы пациенток.

Наконец, я выбрала несколько клиник, которые показались мне наиболее надежными и профессиональными. Долго колебалась, прежде чем решиться на звонок. Страх парализовал меня, сковывая мои движения. Но я знала, что должна сделать это.

Сделав глубокий вдох, я нажала на кнопку «Записаться на консультацию» на сайте одной из клиник. Появилась форма, которую я начала заполнять дрожащей рукой. Имя, фамилия, номер телефона, адрес электронной почты... И в графе «Цель обращения» я впервые вслух призналась себе: «Желание стать мамой без партнера».

Закончив заполнять форму, я зависла перед кнопкой «Отправить».

Может, все-таки не спешить? И попробовать сайт знакомств?

Заполнение анкеты не заняло много времени. Пару фраз о себе, о своих интересах (кино, книги, путешествия – стандартный набор) и о том, что ищу серьезные отношения.

Ни слова о желании стать мамой в ближайшем будущем – это был слишком деликатный вопрос, чтобы выносить его на всеобщее обозрение.

Селфи. Это был самый сложный этап. Никогда не любила фотографироваться, особенно в таких неестественных позах. Но пришлось постараться.

Улыбка во все тридцать два зуба, игривый взгляд, приподнятая бровь – классический набор для привлечения внимания. Обработала снимок в фоторедакторе, добавила немного фильтров, чтобы скрыть следы усталости и бессонных ночей. Готово.

Честно говоря, я не ожидала такого мгновенного отклика. Буквально через несколько минут посыпались сообщения. Но... боже, что они мне писали?

Первый, какой-то “Супермен2000”, прислал смайлик с подмигивающим глазом и вульгарное: “Привет, красотка! Готова к жаркой ночи?”

Мимо.

Второй, “НастоящийМужик”, пошел дальше: “Ищешь спонсора? Я могу обеспечить тебя всем, что захочешь. Главное, будь послушной девочкой”.

Удалить.

Третий, “Романтик77”, оказался самым “оригинальным”: “Ты похожа на мою бывшую. И сиськи классные”.

Без комментариев.

Я прокручивала ленту сообщений, чувствуя, как во мне закипает гнев. Неужели все мужчины такие?

Разочарование захлестнуло меня с головой. На этой площадке я чувствовала себя не женщиной, ищущей любовь, а куском мяса, выставленным на продажу. Внутри все протестовало против такого отношения.

Не выдержав, я лихорадочно начала искать кнопку “Удалить анкету”. Пальцы дрожали, глаза слезились от напряжения. Наконец, я нашла ее. Кликнула. И с облегчением выдохнула.

К черту эти сайты знакомств! К черту эти отчаянные попытки найти любовь там, где ее нет!

Я открыла ноутбук и решительно поднялась с кресла. Нужно вернуться к плану Б. Клиника. Забеременеть в клинике.

Это будет сложнее, дороже, возможно, даже одиноко... Но это мой путь. Мой осознанный выбор. И я пойду по нему до конца.

Вернулась к заполненной анкете в клинике и нажала “Отправить”.

На экране появилось уведомление: “Ваша заявка принята. В ближайшее время с вами свяжется наш администратор”.

Закрыла ноутбук и откинулась на спинку кресла.
Я сделала первый шаг. Я приняла решение.

5

Утро на работе выдалось скомканным и серым, как промокашка.

Бессонная ночь, полная слез, переживаний и одновременно решимостью, оставила горький привкус во рту.

Если все-таки удастся уйти в декрет, то нужно будет обеспечивать себя, и своего будущего ребенка, только своими романами. Звучит как сумасшедший план. Но что еще оставалось?

К счастью, работы с утра было немного. Все необходимые тикеты закрыты, отчеты отправлены. Я чувствовала себя словно выжатый лимон, но профессиональный долг был исполнен.

Воспользовавшись тем, что коллеги еще не пришли в себя после утреннего кофе, я втихую открыла свою страничку.

Новая обложка. И новый роман. Сердце забилось тревожно. Загрузить ее было безумно рискованно, но и невероятно соблазнительно.

Парень на обложке – высокий, мускулистый, с пронзительным взглядом – был до боли похож... Черт возьми, на Дмитрия Сергеевича!

Конечно, это всего лишь совпадение. Похожие черты лица, типаж... Но от этого сходства у меня мурашки побежали по коже.

Название книги – "Мне, пожалуйста, хорошую прожарку, босс!" – тоже было провокационным до неприличия. Но именно такое название пришло в голову, как вспышка молнии. Оно отражало все мои тайные фантазии, все мои подавленные желания.

И вот, чистый лист, мерцающий курсор, призыв к действию. Я начала писать сразу с пикантной сцены. Пусть читатель сразу почувствует, что его ждет.

☆+°.*##*+◇

Ее звали Ева, и она стояла перед ним, словно перед алтарем. Только вместо священника – он.

Властный, надменный, неотразимый босс, от которого у нее дрожали коленки. Он смотрел на нее сверху вниз, как на жалкую букашку, недостойную его внимания. Но в глубине его холодных серых глаз она видела искру... голода.

"Вы хотели меня видеть, мистер..." – она запнулась, не осмеливаясь произнести его имя.

"Блэквуд, Ева. Мистер Блэквуд звучит слишком официально для тех, кто собирается получить жаркий урок," – его голос был низким, хриплым, обволакивающим. Он подошел ближе, сокращая расстояние между ними до критической отметки. Она чувствовала его тепло, его силу, его власть.

Ева затаила дыхание. Он был слишком близко. Слишком опасен. Слишком... соблазнителен.

"Что... что вы имеете в виду?" – прошептала она, едва слышно.

Он усмехнулся, обнажая белоснежные зубы. В этом оскале не было ни капли доброты. Только хищный голод.

"Ты знаешь, что я имею в виду, Ева. Ты пришла сюда не за повышением. Ты пришла сюда за... прожаркой," – он провел пальцем по ее щеке, оставляя за собой след огня.

Ева вздрогнула. Он прав. Она хотела этого. Она жаждала его прикосновений, его власти, его голода. Она хотела почувствовать себя живой.

"Я... я не понимаю," – пролепетала она, пытаясь сохранить остатки самообладания.

Блэквуд рассмеялся.

"Не притворяйся наивной, Ева. Ты прекрасно знаешь, чего хочешь. И знаешь, что я могу тебе это дать."

Он взял ее за подбородок и заставил поднять голову. Его взгляд был беспощаден, проникая в самую душу.

"Ты хочешь, чтобы я сорвал с тебя эту невинную маску? Ты хочешь, чтобы я раскрыл твою дикую сторону? Ты хочешь, чтобы я... сжег тебя дотла?"

Ева не ответила. Она просто смотрела на него, замороженная. Она знала, что это безумие. Но она не могла себя остановить. Жаркий урок был слишком заманчив.

Блэквуд наклонился к ней, его губы были в нескольких миллиметрах от ее губ.

"Ты готова, Ева?" – прошептал он.

Она проглотила ком в горле и кивнула.

"Я готова, мистер Блэквуд."

В этот момент дверь кабинета открылась, и в комнату вошел...

*☆+ °. *##* + ☆*

Я остановилась, переводя дух. Эта сцена получилась слишком... настоящей. Слишком похожей на мои собственные фантазии. Я боялась даже думать о том, что могло бы случиться, если бы кто-то из знакомых прочитал это.

Тем не менее, я понимала, что эта сцена – именно то, что нужно моим читателям. Страсть, власть, соблазн – все это они обожают. А уж если добавить щепотку запретности в виде властного босса... успех гарантирован.

Я вернулась к работе, чувствуя прилив сил. Сегодня я не просто офисный планктон, прожигающий жизнь в техподдержке. Сегодня я – Экс Эль, королева эротических романов.

И у меня есть миссия – подарить своим читателям немного страсти и удовольствия.

– Псс! – позвала Ленка, сидевшая ближе всех к моему столу. – Сапрыкина? А пойдем на обед вместе? Только не в наше душное кафе, а куда-нибудь подальше от работы. В парк, например. Может, познакомимся с кем-нибудь.

Обед в парке? Звучит заманчиво. Но боюсь, я просто не смогу расслабиться.

Я потупила взгляд, избегая ее.

– Не знаю, Лен. У меня тут... много дел, – промямлила я, не поднимая головы. Например, Ева новая героиня готовилась к "прожарке"...

– Да брось ты эти дела! Все равно ничего не успеешь. А так хоть немного развеешься. Ну пойдем, а? Я тебя умоляю! – Ленка не сдавалась. – Я когда с тобой хожу куда-то, к нам всегда кто-то симпатичный подкатывает.

– Ах вот оно что, – улыбнулась я. – А я думала, что ты зовешь меня, потому что тебе приятна моя компания.

– И это тоже, – подмигнула она.

Ее настойчивость и обаяние были обезоруживающими. И потом, честно говоря, я действительно нуждалась в передышке. В глотке свежего воздуха. В минуте покоя, свободы и общения.

– Ладно, – наконец согласилась я, оборачиваясь к ней и робко улыбаясь Ленке. – Пошли. Но на этот раз если к нам кто-то подойдет знакомиться, я...

Внезапно резкий звук шлепнувшихся о стол бумаг заставил меня чуть ли не подпрыгнуть на месте, как перепуганную кошку.

Коллега быстро уткнулась в монитор, закусив карандаш, глаза перепуганные, почти до паники. Я сразу поняла, что дело дрянь.

Голова вскинулась сама собой, и я увидела Дмитрия Сергеевича. Он стоял передо мной, высокий, неприступный, с ледяным выражением лица.

– Немедленно займитесь этим, – бросил он равнодушно, указав на кипу бумаг, заполнивших едва ли не половину моего стола. Его голос был холоден, как зимний, промозглый ветер, проникающий сквозь щели.

Я судорожно сглотнула, пытаюсь скрыть внезапный испуг. Что случилось? Что я сделала не так?

Он принес дополнительные отчеты. Как техподдержка, я всегда оформляла заявки в электронном виде, но с недавних пор, оказывается, требовалось дублировать все еще и на бумаге, заполняя бесконечные таблицы с кодами ошибок, датами обращений и прочей скучной информацией. И все это – в дополнение к моим обычным обязанностям. Просто замечательно!

Я почувствовала, как щеки предательски заливаются краской.

И внезапно я вспомнила, что не закрыла вкладку со своим романом.

Черт! Он ведь не мог видеть, что я только что делала? Не мог знать, о чем я писала? Хотя... зная его проницательность, о которой тут уже легенды складывают, он вполне мог и догадаться.

Я резко развернулась к монитору, вцепилась в мышку, лихорадочно закрывая все вкладки. Главное – успеть до того, как он заметит. Главное – не выдать себя.

Закрыла. Я замерла, затаив дыхание. Надеюсь, что он ушел. Но краем глаза заметила: он все еще рядом, смотрит на меня. Его взгляд был непроницаемым. Казалось, он хотел что-то сказать, но не решился. Или просто не посчитал нужным. Попробуй его понять.

– Работайте, – коротко бросил он. – Сегодня жду отчет о выполненной работе.

И ушел. Как-будто его тут и не было. Я скосила взгляд на монитор с открытыми рабочими вкладками.

Интересно, а какова вероятность того, что он увидел мою страницу Экс Эль?

6

– Знаешь, Сапрыкина, я тут кое-что заметила...

Я оторвалась от экрана, где пыталась деликатно ответить обнаглевшему автору, и вопросительно подняла бровь. Ленка, умела интриговать.

– Только сразу не отменяй мои слова, но... Каждый раз, когда мы с тобой заводим разговор о том, чтобы куда-нибудь сходить – в клуб, на выставку, просто погулять в парке, чтобы с кем-то познакомиться, – Дмитрий Сергеевич, словно специально, подкидывает тебе гору работы. И ты, бедная, до ночи здесь сидишь.

Я усмехнулась. Лена вечно находила везде скрытый смысл.

– Лен, ну ты чего? Просто совпадение. Дмитрий Сергеевич со всеми такой... Это не только я задерживаюсь.

– Да, но смотри, – она подалась вперед, – вот позавчера, помнишь, обсуждали шоу “Танцы на воде” с теми горячими мужиками? Ты загорелась, я уже билеты бронировала, а Дмитрий Сергеевич тут же тебе тестовый проект подкинул. Ты до девяти сидела! А Антон, например, ушел ровно в шесть, хотя у него тоже работы хватало.

Я вздохнула. Ленка всегда так переживала за меня. Но мне не хотелось верить в ее теорию. Дмитрий Сергеевич, конечно, строгий начальник, но чтобы специально меня заваливать работой... Это казалось абсурдом.

– Лен, Антон просто привык все оставлять на завтра, – попыталась я оправдаться. – А я не могу. Мне нужно все доделать, иначе спать не буду. Ты же знаешь.

– Знаю, конечно, – Лена вздохнула. – Просто жалко тебя. Вечно ты спасаешь мир, а себя совсем не бережешь.

– Да ладно, прорвемся, – я попыталась отшутиться. – Зато премию дадут!

Но в душе закралось сомнение. А вдруг Лена права? Вдруг Дмитрий Сергеевич действительно делает это намеренно? Зачем? Неужели я ему так не нравлюсь? А вдруг он так ненамеренно мстит через меня своей жене, которая от него сбежала? Вдруг я с ней ассоциируюсь, и он злится на нее, а наказывает меня?

Хотя, если вспомнить... он уже давно так делает. Но почему? Как в школе, где есть любимчики, а я оказалась в числе тех, кого недолюбливают?

– Ну что, пойдем хоть перекусим? – предложила Лена, заметив мое замешательство. – А то я умираю с голоду.

Мы вышли из офиса и направились в наше кафе на первом этаже. Там было на удивление тихо. В преддверии выходных многие сотрудники стремились завершить работу до обеда в пятницу.

Мы заказали себе по легкому салату и травяному чаю. Я пристально изучала состав своего салата. Пора начинать заботиться о своем здоровье всерьез. Ведь скоро я начну питаться за двоих.

– Ты чего так придирчиво салат свой рассматриваешь? – спросила Лена, жуя свою порцию с аппетитом. – Диета?

– Что-то вроде того, – я вздохнула. – Просто... думаю о здоровье.

Лена улыбнулась и потрепала меня по руке.

– Ты выглядишь потрясно, если честно, я тебе даже немного завидую. Такая симпатичная, даже красивая. Фигура что надо. А родители вон какие! Не могу поверить, что у тебя никого нет. Что там твой парень, который айтишник?

– Он уехал работать в Дубай, перестал даже писать, как только ему дали рабочую визу.

– Ну и нахер его! Ты найдешь себе другого. Того, что оценит твою отзывчивость и доброту. Ты хороший человек, а к хорошему рано или поздно притянется подобное.

Мне стало тепло от ее слов. Но вопрос, терзавший меня последние несколько часов, не отпускал.

– Лен, а как ты думаешь... – начала я нерешительно, – ...может быть, Дмитрий Сергеевич...

– Что Дмитрий Сергеевич? – перебила она, настороженно глядя на меня.

Я замялась. Не хотелось говорить об этом вслух. Вдруг окажется, что я права. Не хочу знать, если ко мне кто-то предвзято относится и недолюбливает просто так.

– Да ничего, – пробормотала я. – Забудь. Просто нужно больше работать и меньше думать о всякой ерунде.

Лена вздохнула, понимая, что я не хочу продолжать этот разговор.

Мы доели обед обсуждая ерунду, рабочие моменты и будущее слияние издательств. Лена уговаривала меня пойти с ней в кино, но я отказалась. Гора работы ждала меня в офисе.

Да и не хотелось мне никуда. В голове крутился мой сюжет про Еву. И я хотела побыстрее завершить работу и все выходные посвятить подготовке к клинике репродуктологии.

☆+°.★##★+◇

Оставшиеся часы рабочего дня прошли незаметно.

Я уткнулась в бумаги и отчаянно пыталась разобраться. Нужно было закончить с ними, закрыть этот вопрос и со спокойной душой уйти домой на выходные. Чтобы ни одна мысль о незаконченной работе не терзала, не царапала, не отравляла мои заслуженные выходные.

Коллеги один за другим покидали офис, прощаясь со мной до понедельника. Их счастливые лица, предвкушающие отдых, немного раздражали. Но я понимала, что это скорее зависть, чем злость.

Ленка снова пыталась уговорить меня оставить все до понедельника.

– Сапрыкина, ну что ты мучаешься? – причитала она, складывая вещи в сумочку. – Ну, подождут твои бумажки до понедельника. Ничего страшного не случится. Пойдем, лучше в кино сходим!

– Не могу, Лен, – я отмахнулась, не поднимая головы от бумаг. – Ты же знаешь меня. Пока не закончу, покой мне будет только снится.

Ленка вздохнула и, пожав плечами, ушла.

А я осталась один на один со своими заявками. Чем больше я работала, тем больше понимала, что из-за этого объема я просижу здесь еще час, а то и два.

И вот тогда-то, в глубине души начало зарождаться нечто, похожее на недовольство. Не то чтобы я начинала ненавидеть Дмитрия Сергеевича, нет. Просто... обида душила. В такие моменты. Когда понимала, что он, возможно, даже не заметит, как я жертвую своими выходными ради его глупых запросов.

Наконец, когда последняя заявка была проверена, а последний тикет закрыт, я откинулась на спинку кресла и размяла затекшую шею.

Оглядела пустой офис. Тишина звенела в ушах.

Вдруг я заметила тень за закрытой дверью кабинета Дмитрия Сергеевича. Он, что, тоже еще здесь?!

Босс вышел.

Тоже натирал шею и плечи, устало прикрыв глаза. Видно было, что этот день дался ему нелегко. Не то, чтобы я злорадствовала...

И тут он заметил меня. Одну, в пустом офисе. На его лице отразилось крайнее удивление. Он, казалось, на секунду замер. А потом, видимо, понял, почему я здесь сижу, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление. И, возможно, даже вина.

– Сапрыкина? Вы еще здесь? – спросил он удивленно, но тон его был мягче, совсем не таким, каким он обычно разговаривал с подчиненными.

– Да, Дмитрий Сергеевич, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и профессионально. – Только что закончила с бумагами.

– Я не думал, что... – он запнулся, словно подбирая слова снова обвел хмурым взглядом пустой офис.

Я лишь кивнула, не зная, что ответить. Мне было немного неловко. Он еще никогда не говорил мне больше трех слов. А если и говорил, то это было какое-то указание, приказ или комментарий к работе... которую, к слову, я всегда выполняла добросовестно.

Он подождал, пока я выключу компьютер, соберу вещи. Мы вместе вышли из офиса и направились к лифту.

В лифте было душно. Воздух, казалось, наэлектризовался от неловкости, какой-то густой субстанцией окутав нас обоих.

Я старалась не смотреть на Дмитрия Сергеевича, сосредоточившись на цифрах, мигающих над дверью. Каждый этаж казался бесконечностью. Чувствовала, как он украдкой поглядывает на меня. Наверное, замечает мое смущение.

Я знала, что Дмитрий Сергеевич – человек сдержанный, даже суровый, в рамках офиса. Но иногда, очень редко, ловила на себе его взгляд. Теплый, внимательный, совсем не боссовский. А может, это только мое воображение? Он ведь женат, и его жена – моя лучшая подруга...

Да и вообще, хватит, Эля! Для него я просто подчиненная и подруга его жены. Остальное – побочный результат моей работы. Я много пишу о романтике и много об этом читаю. Поэтому мне кажется то, чего на самом деле нет.

Я чувствовала его присутствие рядом. Ощущала тепло, исходящее от него. Его руки, обычно уверенно держащие сумку с ноутбуком, сейчас едва заметно сжимали и разжимали пальцы, а его плечи были напряжены.

Наконец, лифт остановился, и двери открылись. Мы вышли на улицу.

Я ахнула.

Ну и ливень!

7

Вода лилась стеной, заглушая все звуки и превращая все вокруг в серую, размытую массу. Я, как всегда, забыла зонт. Полная рассеянность!

– Вот же черт! – воскликнула я, глядя на бушующую стихию.

Дмитрий Сергеевич нахмурился, словно ливень был его личным врагом.

– Без зонта? – спросил он, с беспокойством глядя на меня.

Я виновато пожала плечами.

– Ничего, сейчас такси вызову, – пробормотала я, беспомощно оглядываясь вокруг.

Дмитрий Сергеевич, казалось, был готов к такому повороту событий. Он снял пиджак и, прежде чем я успела что-либо сказать, накинул его мне на плечи.

– Подождите здесь, – сказал он. – Я сейчас пригоню машину.

Я замерла, наблюдая, как он бежит под дождем к парковке. Его мужественная и атлетичная фигура казалась такой хрупкой и незащищенной среди дождевого апокалипсиса.

Вскоре к тротуару подкатил его черный внедорожник. Он вышел из машины и открыл для меня дверцу. Его волосы были мокрыми, лицо – неприступная маска.

– Садитесь, – сказал он.

Я села в машину и закуталась в его пиджак, пахнувший дорогим парфюмом и чем-то еще, чем-то неуловимо приятным и... вкусным.

– Адрес тот же? – уточнил он, выезжая на трассу.

Я кивнула, неуклюже пристегиваясь.

Однажды он с Верой подвезли меня домой после вечеринки, где мы были вдвоем. Он запомнил где я живу?

Дождь продолжал неистово барабанить по крыше автомобиля. Мы всю дорогу ехали молча.

Чем ближе мы подъезжали к моему дому, тем сильнее я ощущала нарастающее напряжение, исходившее от Дмитрия Сергеевича.

Он будто физически сжимался, его плечи напряглись, а взгляд, направленный на дорогу, стал каким-то отчаянным.

Его нервозность начала передаваться и мне. В животе зародилось щемящее предчувствие, смешанное с тревогой.

Я краем глаза замечала, как он украдкой бросает на меня быстрые взгляды, полные какой-то невысказанной мольбы. Казалось, он собирается с духом, чтобы сказать что-то важное, но никак не может найти подходящие слова.

И вот, наконец, мы подъехали к моему подъезду. Машина плавно остановилась, и тишина в салоне стала почти оглушительной.

Я отстегнула ремень безопасности.

– Спасибо, что подвезли, – тихо пробормотала я и собралась выйти, но в этот момент он внезапно схватил меня за руку.

Его прикосновение, такое неожиданное, обожгло меня словно током.

– Подождите...

Сердце забило с бешеной скоростью. Что это сейчас было? Он... держал меня за руку? Дмитрий Сергеевич? Мой босс, человек-лед, король дистанции? Невероятно.

Я смотрела на его руку, на его длинные пальцы, плотно сжимающие мою кисть. Это казалось нереальным, словно вырванным из какого-то странного сна.

– Послушайте... – начал он снова, его голос звучал глухо и немного хрипло. Он все еще не отпускал мою руку. – Мне нужно вам кое-что сказать. Пожалуйста, задержитесь на минуту.

Я молча кивнула, пребывая в состоянии полнейшего ступора. Все происходящее казалось бредом сумасшедшего. Что он хочет мне сказать? О чем таком важном можно говорить в машине под проливным дождем в девять вечера?

Он откашлялся, словно прочищая горло, и слегка ослабил хватку, но все еще не отпустил мою руку. Я чувствовала, как он нервничает. Его движения были какими-то дергаными, неестественными. Он избегал смотреть мне в глаза, уставившись на мокрые разводы на лобовом стекле.

– Я... – он запнулся, словно с трудом подбирая слова. – Я случайно... не хотел подслушивать... Но... я слышал ваш разговор с Зоей в кафе.

Мои щеки мгновенно вспыхнули. Вот оно что! До него дошли мои безумные планы? О Господи, какой позор! Теперь он точно решит, что я совершенно ненормальная.

– Вы... слышали? – пролепетала я, чувствуя, как краска заливает мое лицо.

– Да, – кивнул он, не поднимая глаз. – О том, что вам... нужно срочно забеременеть.

Я проглотила комок, подкативший к горлу. Мерзко, унизительно, нелепо. И все это – в присутствии моего босса, человека, который никогда не проявлял ко мне никакого интереса.

– Это... личное, – еле выдавила я, пытаюсь высвободить свою руку из его хватки.

– Я понимаю, – сказал он, все еще не отпуская меня, но его голос стал немного мягче. – Но я... Я просто хотел спросить... Что вы намерены делать?

Я в полном шоке смотрела на него. Что? Что он только что спросил? За пять лет работы в его компании он не удосужился сказать мне ни единого слова, даже простого «здравствуйте».

Даже когда он встречался с Верой, моей подругой, целых три года! И даже когда я пересекалась с ним на праздниках, куда Вера меня приглашала, он всегда выглядел угрюмым, словно я его раздражала. Как будто он меня скрыто ненавидел.

Всегда был рядом, всегда странно смотрел на меня – но никогда, никогда со мной не разговаривал. А тут вдруг его интересует, что я буду делать со своей проблемой? С тем, что мне «нужно срочно забеременеть»?

– Простите? – переспросила я, не веря своим ушам.

Он, наконец, поднял на меня глаза. В них я увидела... что? Беспокойство? Сочувствие? Или, может быть... надежду? Нет, быть этого не может. Это все мое больное воображение.

– Я понимаю, что это не мое дело, – сказал он тихо, – Но я просто... обеспокоен. Я слышал, как вы говорили Зое, что у вас нет... кандидата.

Я покраснела еще сильнее. Он действительно слышал все! Какое унижение!

– Это моя личная жизнь, Дмитрий Сергеевич, – сказала я твердым голосом, – И я не обязана перед вами отчитываться.

Я, наконец, вырвала свою руку из его хватки. Его пальцы лишь скользнули по моей коже. Он как будто очнулся и сразу отдернул руку.

– Понимаю, – повторил он. – Простите, если я был слишком навязчивым. Просто... Если вам понадобится помощь... или совет... Я всегда готов помочь.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, что стоит за этими словами. Зачем ему, моему боссу, помогать мне в таком щекотливом вопросе? Что он вообще имеет в виду? Неужели правда волнуется? Неужели он... Неужели...

Это абсурд. Дмитрий Сергеевич просто вежливый человек, который пытается проявить сочувствие к своей сотруднице. Не стоит строить иллюзии.

– Спасибо, – сказала я сухо, – Но я справлюсь сама.

Открыла дверцу машины и вышла под проливной дождь. Ледяные капли тут же пронизали мою одежду, но я не чувствовала холода. В голове пульсировала лишь одна мысль: «Что это сейчас было?»

Я посмотрела на машину. Дмитрий Сергеевич все еще сидел за рулем, глядя на меня долгим, пронзительным взглядом. Он казался каким-то потерянным, растерянным. Словно робот, сломавшийся под воздействием неизвестной программы.

Быстро отвернулась и направилась к подъезду, стараясь не думать о том, что только что произошло. Но я знала – этот разговор изменил все. И, возможно, навсегда.

8

Проснулась от настойчивого тыканья в щеку. Димон, мой пушистый рыжий тиран, требовал завтрак. Солнце лениво просачивалось сквозь неплотно задернутые шторы. Дом молчал. Пустота давила на плечи, с самого утра. Хоть не вставай! А что? Неплохой план. А кто мне запретит?

Одиночество – мой верный спутник в последние месяцы. После ухода Антона (того самого, что сбежал в Эмираты) квартира словно выцвела, потеряла краски. Даже Димон, кажется, чувствовал мою тоску и пытался утешить своим мурлыканьем.

Я лениво потянулась, ощущая ноющую боль внизу живота. Эта боль стала постоянным спутником моей жизни. И напоминала о приговоре, который с каждым днем звучал все громче: «Времени почти не осталось».

Едва успела налить себе кофе, как раздался звонок в дверь.

Эмилия. Моя средняя сестра, вся в предсвадебной суете. За последние недели я видела ее чаще, чем за весь последний год. Свадьба, свадьба, свадьба...

Этот волшебный день, который, казалось, должен был осчастливить всех вокруг. Но меня он лишь заставлял чувствовать себя еще более одинокой и ущербной, что-ли.

Сестра ворвалась в квартиру вихрем энергии и запахом дорогого парфюма. На ней было платье, украшенное каким-то замысловатым кружевом. Вероятно, очередной элемент ее идеального созданного образа. Она у меня классный, нет даже топовый дизайнер одежды.

– Ох, ну наконец-то я до тебя достучалась! – воскликнула она, чмокнув меня в щеку. – Ты трубку не берешь, я уже вся извелась! Мне срочно нужен твой совет!

Я устало улыбнулась. Совет? О чем? О том, как пережить крах своей личной жизни? О том, как смириться с мыслью, что материнство, возможно, навсегда останется несбыточной мечтой? Вряд ли мои познания в этой области могли пригодиться Эмилии.

– Слушаю, – сказала я, стараясь придать своему голосу бодрость, которой в нем не было и в помине.

Эмилия вывалила на меня ворох фотографий, образцов тканей, эскизов украшений. Рассказывала о цветах, о рассадке гостей, о тортах, о программе вечера. Все должно быть идеально. Безупречно. Словно сошедшее со страниц глянцевого журнала.

– А Эрика вообще отказалась помогать, – обиженно протянула Эмилия. – Представляешь? Сказала, что я ее достала своей свадьбой. Просто послала меня куда подальше!

Я вздохнула. Эрика, наша старшая сестра, была известна своим прямолинейным характером. Она не любила приторность и фальшь. Вероятно, предсвадебная истерия Эмилии просто вывела ее из себя.

– Ну, ты же знаешь Эрику, – сказала я, пытаюсь успокоить сестру. – Она просто устала. Ей тоже сейчас нелегко.

Эмилия пропустила мои слова мимо ушей. Она была слишком занята своим праздником, чтобы заботиться о чувствах других.

Я внимательно рассматривала образцы тканей, кивала в нужных местах, задавала дежурные вопросы. Внутри нарастало чувство отчуждения. Я была как посторонняя на этом празднике жизни. Моя реальность из боли и разочарования, казалась неуместной в этом идеальном мире, который создавала Эмилия.

Я хотела рассказать ей о своих проблемах со здоровьем, о своих страхах, о своей разбитой мечте о ребенке. Хотела попросить совета, поддержки, простого человеческого участия. Но слова застревали в горле.

Как я могла омрачить ее счастье своим неидеальным, сломанным миром? Как я могла признаться в том, что моя жизнь – это не глянцевая картинка, а скорее черно-белая фотография, сделанная неудачным фотоаппаратом?

Эмма и ее идеальный жених – все в ней кричало об идеальности. До тошноты. До приторности. Идеальная свадьба, идеальный муж все запланировано до мелочей. Моя старшая сестра Эрика всегда говорила что завидует Эмме и в то же время презирает за эту приторность. Я сама никогда не видела себя такой.

Я взглянула на Эмилию, сияющую от счастья. На ее лице не было ни тени сомнения, ни капли грусти. Она была абсолютно уверена в своем будущем, в своем избраннике, в своей идеальной жизни.

Опустила глаза. Моя проблема казалась такой мелкой и незначительной на фоне ее грандиозных планов. Я не могла позволить себе испортить ей этот день.

– Все будет просто великолепно, Эмилия, – сказала я, улыбаясь как можно искреннее. – Я уверена, что у тебя будет самая красивая свадьба в мире.

Эмилия расцвела. Она счастливо захлопала в ладоши и бросилась меня обнимать.

– Знала, что на тебя можно положиться! – воскликнула она. – Ты у меня самая лучшая сестра!

Я прижала ее к себе, чувствуя, как мои глаза наполняются слезами. Лучшая сестра. Просто сестра. Просто человек, который не имеет права на собственные проблемы и страхи. Просто тень на фоне ее идеального счастья.

☆+°.##*+◇

Выходные растворились в цифровом тумане.

Я нырнула в мир репродуктологии с головой. Отзывы о клиниках, рейтинги врачей, статьи о гормональной терапии – я жадно поглощала информацию, словно пытаюсь найти ответы на все свои вопросы.

Искусственное оплодотворение, ЭКО, ИКСИ – эти аббревиатуры еще вчера звучали для меня как заклинания из далекой сказки. Теперь же они стали частью моего словарного запаса, ключами к возможному будущему.

Я изучала протоколы, разбиралась в схемах стимуляции, анализировала риски и шансы. Хотелось верить, что чем больше я знаю, тем больше контроля будет над ситуацией.

Не меньшее внимание я уделила вопросу одинокого материнства. Серфила по форумам, читала блоги мам, воспитывающих детей без отцов. Истории были разные – от вдохновляющих до душераздирающих.

Сложности очевидны: финансовая нагрузка, эмоциональное истощение, отсутствие поддержки. Но плюсы... Плюсы перевешивали все минусы. Безграничная любовь, безусловная преданность, возможность построить свою семью по своим правилам. Возможность стать мамой вопреки всему.

Я представляла себя с ребенком на руках. Как я держу его, кормлю, укачиваю. Как он делает первые шаги, говорит первое слово. Моя сердце сжималось от нежности и одновременно от страха. Смогу ли я справиться? Буду ли я достаточно хорошей матерью? Хватит ли у меня сил, денег, терпения?

Телефонный звонок разрезал тишину воскресного вечера. Незнакомый номер. Я ответила с замиранием сердца.

– Здравствуйте, это из клиники репродукции “Гармония жизни”? Мы хотели бы пригласить вас на консультацию с доктором Куликовски. Когда вам будет удобно?

Радость и грусть смешались во мне в странном коктейле. Я почувствовала облегчение, что первый шаг сделан, что я двигаюсь вперед. Но одновременно ощущала какую-то щемящую тоску, будто прощалась с частью себя.

Назначили на завтра на утро. Доктор Оксана Демидовна Куликовски, профессор, специалист с мировым именем. Страшно и волнительно.

Перед сном, уставшая и измученная, я улеглась в постель. Димон, как всегда, свернулся клубочком у меня в ногах. Завтра понедельник. Снова работа.

И как назло, в голову полезли воспоминания. Станный разговор с Дмитрием Сергеевичем в машине. Дождь, неловкость, его заботливый взгляд...

«Я всегда готов помочь».

Что это, блин, вообще значит? Помочь в чем? Найти донора спермы? Оплатить ЭКО? Выгуливать ребенка по выходным? Сама мысль об этом вызвала у меня нервный смех.

Как я теперь буду смотреть ему в глаза на работе? После такого откровенного разговора? Вернее, после его неуклюжих попыток проявить участие в моей личной жизни?

Дмитрий Сергеевич – загадка, завернутая в тайну, посыпанная профессионализмом. Он всегда был для меня человеком из другого мира, недоступным и непонятным. А теперь вдруг оказывается, что он... что он как минимум в курсе моих планов по искусственному оплодотворению?

Сон долго не приходил. В голове крутились обрывки фраз, воспоминания, вопросы, на которые не было ответов. Но все же, в какой-то момент я провалилась в беспокойный сон, полный смутных образов и тревожных предчувствий. Завтра будет тяжелый день. И не только потому, что понедельник.

9

Клиника «Гармония Жизни».

Само название звучало как издевка, как насмешка над моей собственной дисгармоничной реальностью. Тремор бил меня крупной дрожью. Внутри все сжалось в тугой комок.

В холле было светло и стерильно. Белые стены, мягкий свет, приглушенная музыка. Постеры с улыбающимися младенцами, советы будущим родителям о правильном питании и здоровом образе жизни. Все кричало о счастье, любви и семейном благополучии. И все это было так далеко от меня.

Я нервно оглядывалась. Пары, в основном – пары. Мужчины нежно держали своих жен за руки, шептали им что-то на ухо, поправляли сбившиеся пряди волос.

Молодые семьи, умиротворенно беседующие друг с другом. И я – одна. Одинокая фигура в этом царстве парности и материнства.

Пальцы дрожали, когда я набирала сообщение Ленке, моей коллеге:

“Прости, опаздываю. Буду через пару часов. Не спрашивай. Предупреди начальство, плиз!”

Не хотелось объяснять, рассказывать, оправдываться. Просто не было сил.

“Ооо, хочу знать о нем все!” – ответила она.

Я лишь горько усмехнулась.

У меня была назначена консультация на 9:00. Я пришла натошак, заранее морально подготовившись к худшему.

Кровь из вены взяли быстро и профессионально. Медсестра, несмотря на мой бледный вид, старалась быть приветливой и подбадривающей. Спасибо ей за это.

Прием у гинеколога прошел как в тумане. Экспресс-осмотр, взятие мазков... Все как обычно.

Врач, молодая женщина с мягким голосом и доброй улыбкой, внимательно изучала мои старые результаты анализов. Потом посмотрела на меня с сочувствием.

– Хорошо, что у вас уже есть все необходимые обследования, – сказала она. – В противном случае, нам пришлось бы повторить процедуру проверки проходимости маточных труб.

Я вздрогнула. Одного воспоминания об этой процедуре было достаточно, чтобы вызвать у меня приступ паники. Гистеросальпингография – адская боль, страх, унижение. Господи, как я пережила это тогда? И как хорошо, что мне не придется переживать это снова.

– Я понимаю, вам пришлось пережить нелегкое время, – продолжила врач, заметив мою реакцию. – Но сейчас мы должны сосредоточиться на будущем.

Мы поговорили о моих шансах забеременеть, о состоянии моего здоровья, о возможных рисках. Врач подробно объяснила мне процесс искусственного оплодотворения, рассказала о различных вариантах стимуляции и о подборе донора.

– У нас есть банк с анкетами доноров, – сказала она, протягивая мне тонкую папку. – Здесь собрана вся информация о них: возраст, образование, профессия, национальность, группа крови, резус-фактор, состояние здоровья, увлечения, хобби, даже детские фотографии. Вы можете внимательно изучить их дома, в спокойной обстановке, и выбрать наиболее подходящего для вас кандидата.

Я взяла папку, чувствуя, как дрожат мои руки. Выбрать отца для своего будущего ребенка по фотографии... Это казалось таким странным, таким нереальным. Но это был мой шанс. Мой единственный шанс стать мамой.

– Мы договоримся о следующей встрече через неделю, – сказала врач, улыбаясь ободряюще. – Как раз ближе к дате вашей овуляции. К этому времени вы сможете изучить анкеты и определиться с выбором.

Я кивнула. Вышла из кабинета, держа в руках папку с донорами, как драгоценную реликвию.

Как добралась до работы – не помню. Стараясь прийти в себя после пережитого. Солнце слепило глаза, казалось слишком ярким и навязчивым. Хотелось спрятаться в темный угол и просто плакать. Просто потому что слишком тепличная выросла и для меня такой, не знающей потрясений сегодняшний поход оказался слишком... слишком для меня.

Мне нужна была передышка. Хотя бы минут пятнадцать.

Пятнадцать несчастных минут, чтобы прийти в себя. Глоток горячего чая, или даже, почему бы и нет, какой-нибудь убогий маффин. Что-то, что помогло бы мне отключиться от пережитого и заставить мозг работать.

Я решила зайти в кофейню. Та, что прямо рядом с офисом. Уютная, маленькая, с запахом свежего кофе и булочек. Обычно там всегда можно было найти спасение, свой островок спокойствия. Но сегодня, похоже, даже этот маленький оазис был против меня.

Я вошла, уткнувшись в телефон. Проверяла почту, просматривала ленту новостей, просто чтобы оттянуть неизбежное. И врезалась.

В кого? Конечно же, в него. В широкую, как скала, грудь Дмитрия Сергеевича.

Кофе облил его. Весь. На эту идеальную белую рубашку, которая, казалось, была сшита специально для обложки глянцевого журнала. Кофе растекался темным пятном, как черная метка.

Боже, да что же это такое!

Я впала в панику. Начала бормотать извинения, слова путались, вылетали бессвязно. Схватила салфетку из сумки и начала отчаянно тереть пятно. Результат был плачевным. Я, казалось, делаю только хуже.

– Ой, простите! Простите меня, пожалуйста! Я сегодня сама не своя! Я... я могу отнести рубашку в химчистку! Или купить вам новую! – выпалила я, ощущая, как краска стыда заливает лицо.

Он стоял, словно ледяная статуя. Лицо не выражало ничего. Только губы были плотно сжаты. Но потом, видимо, увидев мое искреннее раскаяние, смягчился.

– Ничего страшного, – сказал он. Его голос звучал как-то приглушенно. – Не стоит так волноваться.

Ах, да! Еще же надо было беспокоиться о том, что я дико опаздываю. Вместо того, чтобы быть в офисе, я стою и поливаю босса кофе. И пытаюсь оттереть пятно. Идиотская ситуация.

И тут... бах!

Что-то упало.

Моя папка.

С анкетами доноров.

Папка раскрылась, и фотографии мужественных лиц, как компромат, рассыпались по полу. Доноры спермы, моя тайна, все вывалилось наружу.

Дмитрий Сергеевич наклонился.

Поднял папку.

Я не могла понять выражение его лица. Ничего не прочесть. Просто смотрел на раскрытые страницы. Будто видел что-то отвратительное. Пробежал взглядом по тексту...

И я увидела. Я четко это увидела. Всего на миг в его взгляде проскользнула эмоция. Ему это не понравилось то, что он увидел. Совсем.

10

Дмитрий Сергеевич закрыл папку быстро, почти резко.

Тактично, словно оберегал ее от чужих взглядов, он протянул ее мне, и в его глазах не было ни осуждения, ни презрения, лишь... сочувствие? Я не могла понять.

– Возьмите, – сказал он, и его голос звучал немного глуше, чем обычно.

Я протянула руку, чтобы забрать ее, и наши пальцы соприкоснулись. Легко, почти мимолетно. Но мы оба вздрогнули. Словно нас ударило током.

Это прикосновение вернуло меня в тот момент, в машину, когда он меня подвозил. Мокрый от дождя, волосы, свисающие на лоб непослушными прядями. Впервые я видела его таким – без идеальной прически, без идеальной выправки, осанки робота.

Его рука, крепкая, теплая, обхватила мою ладонь. Тогда, в машине, в тот момент, все казалось неправильным, запретным.

Но сейчас, в этой кофейне, почему-то вспомнилось только ощущение тепла. Ощущение, что кто-то заботится. Что кто-то видит меня. Настоящую.

– Может, выпьем кофе? – неожиданно спросил он. Как-то неуклюже, по-школьнически.
– Раз уж этот теперь на мне...

Он, что, пошутил?

Смотрела на его лицо и не понимала. Ноль мимики.

Я растерялась. Обычно он не выходил особо никуда из кабинета, да и кофе ему всегда Зоя готовила. Что он тут забыл в разгар рабочего дня?

И тут до меня дошло: он приглашает меня на кофе? Меня? Подругу его... будущей бывшей жены? Это было настолько неожиданно, что я просто потеряла дар речи.

– И я думаю... – добавил он еще тише, – точнее, мне кажется, что вам нужно немного прийти в себя.

Меня потрясло, что он понял, как-то увидел, что мне сейчас плохо. Это подтвердило его репутацию проникательного человека.

– Я... я не знаю, – пробормотала я, чувствуя себя полной идиоткой. – Я... вроде как, на работу опоздала...

Идеальные слова, прямо глядя начальнику в глаза! Сарказм.

Я улыбнулась краешками губ, но он остался неподвижен. Лишь в его необычайно красивых глазах мелькнуло что-то. Надежда? Желание улыбнуться в ответ?

– Пожалуйста, – сказал он. В его ровном голосе прозвучала какая-то странная нотка, как будто он действительно этого хотел. – Я думаю, вам нужно немного передохнуть. И... полагаю, вы еще не завтракали?

Я действительно не завтракала. И чувствовала себя ужасно. Перспектива сидеть с Дмитрием Сергеевичем за одним столиком в кофейне казалась мне... странной.

Но что-то в его голосе, в его взгляде, заставило меня согласиться.

– Хорошо, – сказала я.

Мы заняли столик у окна. Дмитрий Сергеевич заказал еще кофе. Я сидела напротив и не могла собраться с мыслями, стараясь не смотреть на пятно на его безупречной рубашке.

Я взяла кусочек чизкейка, но так и не притронулась к нему. Чувствовала себя неловко, странно, неправильно. Сидеть с мужем Веры, пусть и будущим бывшим мужем, и пить кофе, как будто ничего не случилось – какой-то сюр.

Дмитрий Сергеевич молчал. Пил свой кофе, смотрел в окно. Чувствовалась напряженность.

Нарушил тишину он сам. Голос сдержанный.

– Я... хотел бы извиниться, – сказал он, медленно поворачиваясь ко мне. – За тот случай в машине. Я не должен был лезть не в свое дело.

Лицо напряжено, но взгляд искренний. Будто камень с души хочет убрать.

Я немного расслабилась. И правда, чего накручивать-то.

– Все в порядке, Дмитрий Сергеевич, – ответила я. – Забудьте.

Но, кажется, это только усугубило его состояние. Он, словно, хотел что-то сказать, но не решился. Терял чашку в руках, избегал моего взгляда.

– Я думал... много думал за выходные, – произнес он, наконец, выдохнув. – О... о том, что произошло. О вашей... ситуации.

Я напряглась. Опять он за свое!

Он сделал паузу. Длинную, мучительную паузу.

– И... я понимаю, – сказал он, наконец, взглянув мельком на папку на краю стола. – Это... ваше решение. И я его уважаю. Но... если позволите... я хотел бы... предложить свою... кандидатуру.

Я не поняла.

– Что вы имеете в виду? – спросила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Серьезно. Вдумчиво.

– Я говорю о донорстве спермы, – произнес он четко, но тихо, чтобы никто не услышал за соседними столиками. – Если вы... если вы не против... я хотел бы стать донором для вас.

У меня отвисла челюсть. Я просто не могла поверить своим ушам.

– Что? – прошептала я.

– Я понимаю, это звучит странно, – сказал он, быстро. – Но... Я здоров. У меня нет наследственных заболеваний. И... я думаю, я мог бы... помочь вам.

Я молчала. Смотрела на него, как на сумасшедшего. Это не могло быть правдой.

– Дмитрий Сергеевич, – наконец выдохнула я, – вы... с ума сошли? Вы женаты на моей лучшей подруге!

На его лице скользнула тень.

– Это... формальность, – сказал он нехотя. – У нас довольно странный брак получился, вам ли не знать. Скоро Вера вернется, и мы сразу же подадим на развод, и... Я хочу помочь вам.

Я не знала, что сказать. В голове был полный хаос.

– Я... я не могу, – пробормотала я.

– Почему? – спросил он.

– Потому что... это неправильно, – ответила я. – Это... это просто безумие!

Он опустил взгляд и кивнул. Просто кивнул. Сдержанно, как всегда. Но за этой стеной вежливости и отстраненности я вдруг увидела разочарование и кажется... боль.

Словно я отказала не в бредовом предложении. Не в нелогичной, нелепой идее. Словно я... разбила ему сердце.

– Я настолько вам неприятен, что вы предпочли бы... неизвестного человека?

Его плечи поникли. И в этот момент он казался не мужем моей лучшей подруги, не строгим Дмитрием Сергеевичем, а просто человеком. Человеком, которого моя реакция ранила гораздо сильнее, чем можно было ожидать. Человеком, который кажется вложил во все это гораздо больше, чем просто хорошее намерение помочь женщине, желающей стать матерью.

– Да не в этом дело, я... я считаю себя хорошим человеком и хорошей подругой, я... я не могу так поступить с Верой!

Он поднял взгляд. В его глазах не было ни упрёка, ни обиды.

– Я понимаю, – сказал он. – Простите... что побеспокоил вас.

Он встал.

Мне стало стыдно за свою резкость. Будто я своим отказом не просто отвергла его предложение, я отвергла его самого.

– Я думаю, нам пора на работу, – произнес он, глядя на меня словно в последний раз.– Я... еще раз извините.

Наблюдала, как он расплачивается за наш заказ и уходит, просто тупо глядя ему вслед. В голове все еще звучали его слова.

«Я хотел бы стать донором для вас».

Да что вообще только что произошло?!

Я осталась сидеть за столиком одна. Чай остыл. Чизкейк так и лежал нетронутым. А в голове крутился только один вопрос:

Он это, блин, серьезно?

11

Целая неделя прошла на автопилоте. Каждый день – рутина, автоматизм, натянутая улыбка коллегам.

А внутри неустанно вертелся этот злосчастный разговор в кофейне. Дмитрий Сергеевич и его сенсационное предложение. Словно заевшая пластинка, в голове снова и снова прокручивались эти слова: «Я хотел бы стать донором для вас».

Казалось, будто все остальное – работа, быт, проблемы – отошло на второй план, потеряло остроту и значимость. Все меркло в сравнении с этим вихрем мыслей, которые не давали покоя ни днем, ни ночью. Я превратилась в ходячий монолог, где главной темой был он. Дмитрий Сергеевич. И его безумное предложение.

Стоит ли рассказывать Вере? Этот вопрос грыз меня изнутри. Вера... моя подруга, почти сестра. Мы делились всем, от юношеских секретов до самых сокровенных переживаний.

Между нами никогда не было тайн. Но этот разговор... это не просто очередная новость, которой можно поделиться за чашкой чая. Это бомба. Бомба замедленного действия, способная разрушить нашу дружбу в одно мгновение.

Предложить стать отцом ребенка – это же не котенка на передержку попросить! Это вопрос жизни нового человека, вопрос будущего.

И что я скажу Вере? «Привет, Димка предложил стать донором для моего ребенка. Приколно, да?» Да она меня убьет! Или, что еще хуже, просто перестанет разговаривать.

А потом появлялась эта... неожиданная, постыдная, соблазнительная мысль. Дмитрий Сергеевич ведь чертовски хорош собой. Спокойный, уверенный, воспитанный, сдержанный. Но в этой сдержанности чувствовалась какая-то внутренняя сила, притягательность.

И глаза... эти глаза, в которых иногда мелькали искры, которые пронзали насквозь.

Да, он муж моей подруги. Даже скорее, будущий бывший муж. Но он мужчина. И весьма привлекательный. И дети от такого... самца... вышли бы, наверное, просто великолепными.

Я отмахивалась от этих мыслей, как от назойливых насекомых. Гнала их прочь, стыдилась их. Да что со мной вообще происходит? Это аморально, это неправильно, это просто... безумие.

Но мысли возвращались снова и снова. Словно магнит, его образ притягивал мое внимание. И чем больше я пыталась от него избавиться, тем отчетливее представляла его перед собой.

Я видела босса в офисе почти каждый день. Он проходил мимо по коридору, здоровался кивком головы, но наши взгляды больше никогда не пересекались.

Дмитрий Сергеевич откровенно меня избегал. А я избегала его. Словно между нами возникла невидимая стена, которую никто из нас не осмеливался переступить.

Он больше не заваливал меня дополнительной работой, не просил остаться допоздна. Словно я стала для него призраком, невидимкой. И наверное, это было к лучшему. Наверное, так и должно быть.

Но внутри все равно продолжал жить тот разговор в кофейне. Этот запах кофе, его тревожный взгляд, это случайное прикосновение рук. И эти слова... «Я хотел бы стать донором для вас...»

Неделя молчания.

Неделя избегания.

Неделя самокопания и мучительных раздумий.

Я превратилась в невротика, одержимого одной-единственной мыслью.

Что делать? Стоит ли рассказывать Вере? Стоит ли забыть об этом? Стоит ли вообще что-то делать? И самое главное... как, черт возьми, выкинуть Дмитрия Сергеевича из головы?

Мне завтра в клинику. И к этому визиту я должна уже выбрать кандидата из той папки, которую я, черт возьми, даже не открывала!

Чтобы как-то отвлечься от мыслей о Дмитрие Сергеевиче открыла книгу и написала пару глав. Остановившись, перечитала особенно пикантный момент.

☆+°.★##★+◇

Ева стояла у панорамного окна, смотря на ночной город.

Зазвонил телефон. Она даже не взглянула на экран, зная, кто это. Он всегда звонил в одно и то же время, как пунктуальный демон, напоминающий о неоплаченных долгах.

– Да, – прошептала она, чувствуя, как по позвоночнику пробегают ледяной озноб.

– Ты задержалась, – его голос был ровным, безэмоциональным, как сталь. – Я жду.

Она знала, что он ждет. Он всегда ждал.

– Буду через десять минут, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Пять.

И он отключился.

Ева вздохнула и оставила телефон на столике. Нужно было собраться. Натянуть маску безразличия, скрыть за ней бушующий внутри шторм. Как же ей надоела эта игра, придуманная им! Игра, в которой она всегда проигрывала.

Она подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Бледное лицо, темные круги под глазами, выдающие бессонные ночи, проведенные в мыслях о нем. О его власти, его взгляде, прожигающем насквозь. О его предложении, от которого она отказалась, но которое продолжало преследовать ее, словно навязчивая мелодия. Стать матерью его ребенка. Боже, какая нелепость! Как она могла даже на секунду задуматься об этом? Но она задумывалась. Каждую чертову секунду.

Ева тряхнула головой, отгоняя наваждение. Пора.

В его кабинете всегда царил полумрак. Тяжелые шторы плотно задернуты, единственный источник света – настольная лампа, бросающая причудливые тени на его лицо. Он сидел за массивным столом из темного дерева, склонившись над бумагами. Казалось, он совершенно не заметил ее появления.

– Вызывали? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал как можно более профессионально.

Он медленно поднял голову. Его глаза, обычно холодные и пронзительные, сегодня казались особенно темными.

– Закрой дверь, – приказал он.

Ева послушно выполнила приказ.

– Подойди ближе.

Она сделала несколько шагов, остановившись в нескольких метрах от стола. Ближе она не могла. Ближе было опасно.

Он встал, обошел стол и подошел к ней. Она застыла, не в силах пошевелиться. Он был так близко, что она чувствовала его тепло, ощущала едва уловимый аромат его парфюма – терпкий, мужественный, сводящий с ума.

– Ты знаешь, зачем я тебя вызвал, – прошептал он, наклонившись к ее уху и чувствительную кожу обдало жаром.

Она знала. Конечно, она знала. Он всегда хотел одного и того же. Власти. Контроля. Ее.

Он провел рукой по ее волосам, откинув их с плеча. Ее кожа покрылась мурашками. Она ненавидела эту реакцию, ненавидела то, как он на нее влиял. Всегда.

– Ты дрожишь, – проговорил он, усмехнувшись. – Боишься?

Она молчала. Она и боялась, и хотела. Хотела его прикосновений, его взгляда, его власти над ней. И боялась последствий. Боялась потерять себя в этом водовороте страсти и зависимости.

Он взял ее за подбородок и заставил поднять голову. Его глаза смотрели на нее, словно рентген, проникая в самую душу.

– Ты моя, – прошептал он. – Ты всегда ею была. Просто ты еще не поняла этого.

И он поцеловал ее. Жестко, требовательно, без нежности. Его губы впились в ее губы, вытягивая из нее всю волю. Она пыталась сопротивляться, но силы покидали ее. Он был слишком силен, слишком властен, слишком желанный.

В конце концов, она сдалась. Ответила на поцелуй, отдавшись во власть его чувств. Его руки скользили по ее телу, зажигая пламя желания, которое она так долго подавляла.

Она знала, что это неправильно. Знала, что он играет с ней. Но сейчас ей было все равно. Сейчас она хотела только его. Хотела забыть обо всем на свете в его объятиях.

Он подхватил ее на руки и понес к дивану, стоявшему в углу кабинета. Ее сердце бешено колотилось в груди. Она знала, что сейчас произойдет. Знала, что он заберет ее сегодня. И она не собиралась сопротивляться....

*☆+ °. *##* + ✧*

12

Откинувшись на спинку кресла, я огляделась.

Вот черт! Снова увлеклась.

Все уже ушли, я осталась одна. Проверила время и ужаснулась. Как я могла так увлечься?

Быстро выключила рабочий комп и собрала вещи. В кабинете босса горел свет и мелькнула тень. Ах, черт!

Я и хотела и одновременно не хотела с ним пересечься. Не знала, что делать. Не знала что чувствовала. В голове полный хаос.

Вышла к лифту.

Двери почти закрылись, когда в последний момент втиснулся Дмитрий Сергеевич. Он увидел меня, явно не ожидая встретить, и быстро опустил взгляд.

Мое сердце пропустило удар, а потом заколотилось как бешеное. Снова мы вдвоем в этой тесной металлической коробке. Снова эта гробовая тишина, давящая на уши. Но в этот раз все было по-другому. В разы хуже. Невыносимее!

Между нами висел этот разговор. Нелепый, сумасшедший, невозможный. Разговор, который должен был остаться забытой страницей, но почему-то стал самым ярким пятном в моей памяти. Разговор, который построил между нами стену, высокую и неприступную.

Официально мы больше не общались. Не было дежурных поручений, коротких реплик, случайных встреч у кулера. Все исчезло. Словно нас вычеркнули друг из друга.

Но на самом деле... на самом деле этот разговор связывал нас крепче, чем любая работа или деловые отношения. Он создал тайну. Общую, неловкую, мучительную. Тайну, которая приковывала меня к нему, несмотря на все попытки бежать.

Избегала его как огня. Старалась не пересекаться взглядами. Делала вид, что ничего не было. Но каждый раз, когда он рядом, когда я чувствовала его присутствие, все внутри сжималось в тугой узел.

Мне безумно хотелось узнать, что он думает. Что он чувствует. Терзается ли он, как я? Или он давно уже забыл об этом идиотском предложении, как о неприятном недоразумении?

Я мучилась. Каждый день. Каждую минуту. Мне казалось, что я обидела его. Отвергла. Унизила. Может, он действительно серьезно относился к своему предложению? Может, он действительно хотел помочь? А я... я просто отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

От этой мысли становилось еще хуже. Словно я была единственной, кто остался в плену этого абсурдного разговора. Словно я одна не могла освободиться от этой навязчивой идеи.

Я смотрела на свой этаж, цифры менялись одна за другой. Сердце бешено колотилось. Хотелось выбежать из этого лифта, как можно скорее. Сбежать от него. Сбежать от своих мыслей.

Ноги отказывались слушаться. Я замерла, как парализованная. Не в силах пошевелиться. Не в силах отвести взгляд от него.

Он стоял, отвернувшись к стене лифта. Спокойный, невозмутимый. Словно и не было никакого разговора. Словно между нами ничего не произошло.

Этот контраст между его спокойствием и моей внутренней бурей был невыносим. Мне казалось, что я сейчас взорвусь. Не выдержу этого напряжения.

И тут лифт остановился. Первый этаж. Двери начали открываться.

Я сделала шаг вперед, к выходу. Но в последний момент остановилась. Словно что-то держало меня.

Я обернулась. Посмотрела на него. Прямо в глаза.

В его взгляде не было ничего. Ни злости. Ни обиды. Ни разочарования. Только... нежность.

Эта нежность убила меня. словно я увидела в его глазах противопоставление собственной безысходности.

И это было так странно...

Я вышла из лифта. Двери закрылись. И я поспешила на улицу, словно он гнался за мной.

Хотя, скорее, я сама убегала от себя же самой.

И от этого ощущения... и мыслей: "А что, если?"

☆+ °. *##* + ☆

Телефонный звонок застал меня у окна, когда я задумчиво наблюдала за летним дождем.

На дисплее высветилось имя "Вера". Мое сердце екнуло. Вера вернулась с Мальдив.

– Привет, Вер... как ты? – осторожно начала я.

Вместо ответа услышала всхлип. Потом еще один. И еще. Вера рыдала в трубку.

– Вер, что случилось? Все так плохо? – сердце сжалось от сочувствия. Я знала, что на Мальдивах она встретила мужчину. Мужчину, который перевернул ее мир с ног на голову.

– Ужасно, – прохрипела Вера между рыданиями. – Просто ужасно. Я... я кажется в него по уши втрескалась.

Я прикусила губу. Что ей сейчас говорить? Как поддержать? Слова казались бессмысленными. Банальными. Пустыми.

– Я понимаю, Вер. Мне очень жаль. Расскажи мне все.

И Вера рассказала. О райских островах, которые ему принадлежат, о катере, о лазурном море, о страстных ночах. О нем. Высоком, загорелом, с обветренным лицом и невероятно шикарном теле. О мужчине, который смотрел на нее так, словно она – вселенная.

– Мы так много занимались сексом, просто преступно много! – плакала Вера. – Он невероятно горячий, страстный, как же он великолепно трахается, как боженька! Нет, лучше! В нем столько страсти, столько огня, я таких мужиков в жизни не встречала – просто сокровище!

Ага, мальдивское...

Дмитрий Сергеевич и Вера планировали медовый месяц. Но после свадьбы Вера сбежала от мужа. Она сказала, что совершила ошибку, сдала его билет и улетела одна.

Весь офис тогда на ушах стоял от шока.

Ведь у них была чудесная, просто великолепная свадьба, все казалось идеальным...

И тут все рухнуло.

Только сейчас я поняла, каково было Дмитрию Сергеевичу. У него всё было по расписанию, по плану.

Он скрывал эмоции, но они точно у него были. А я ни разу не спросила, как он.

В то время как он сам вник в мою проблему и даже попытался предложить свою помощь...

А я так жестоко его отвергла.

Господи, ну что я за дура?

13

– Черт, как же быстро пролетели эти три недели! – голос Веры дрожал. – Я вообще не понимаю, как нашла в себе силы уехать, попрощаться, улыбаться ему и делать вид, будто за это время он не проник мне под кожу... Я такого ни с кем не испытывала, никогда!

– А он не предлагал тебе остаться?

– Мы договаривались на три недели терапии...

– Терапии?

– Ну, он обещал помочь мне справиться с тем, что со мной тогда случилось...

– Помог?

– Даааа, – и она снова разрыдалась. – Теперь я об этом вообще не думаю! Потому что я думаю только о нем...

Я слушала Веру, и мне было невыносимо больно. Больно за нее, за ее разбитое сердце, за ее несбывшиеся мечты. Я понимала, что эта потеря – гораздо больше, чем просто курортный роман. Я никогда ее такой не видела.

В горле стоял ком. Мне тоже хотелось рассказать. О кошмарном диагнозе, о разговоре с Дмитрием Сергеевичем. О его безумном предложении. О той тайне, которая разъедала меня изнутри.

Я хотела поделиться с Верой своим горем. Хотела выговориться. Хотела услышать ее совет.

Но как я могла рассказать ей об этом? Как я могла загружать ее еще одним предательством, еще одной болью? Видеть, как ей чудовищно плохо и невыносимо без своего мужчины. Как я могла рассказывать о своем секрете. Который просто ничто по сравнению с тем, что она пережила.

– Вер, послушай, – сказала я мягко. – Я знаю, что тебе сейчас очень тяжело. Хочешь, я приеду? Как и обещала – с текилой?

– Прости, – всхлипнула Вера. – Но мне сейчас хочется только одного – залезть под корягу и хорошенько выплакаться.

– Но ты не должна переживать это одна, – настаивала я. Потому что знала, о чем говорила.

Все мои расставания Вера была со мной. Хотя я понимала, что на этот раз, случившееся с ней гораздо серьезней, чем просто интрижка.

Я помолчала, собираясь с духом. Нужно было поддержать Веру. Отвлечь ее от грустных мыслей. Показать ей, что жизнь продолжается. Но никак не могла выкинуть из головы и свою проблему.

– А как же Дмитрий Сергеевич?

Почему, едва произнеся его имя, я ощутила себя виноватой, словно совершила нечто ужасное?

– К-кто? – всхлипнула она.

– Твой муж, Вер, – и смешно и грустно.

– А, Дима? – она говорила о нем так пренебрежительно. – Надо позвонить ему, сказать, что я хочу развода. Думаю, он и сам это понимает.

– Ты говорила ему, что у тебя... другой?

– Уверена, он и бровью не поведет. Теперь, когда мне есть с кем сравнить, я еще больше осознаю, что совершила ошибку! Сама не понимаю, что меня так долго с ним держало!

Не знаю почему, но ее слова о нем задели меня.

– А почему... – так, Эля решайся, в конце концов самое время спросить. – А почему вы вообще поженились?

– Да это ж я предложила, ты что забыла? – шмыгнула она носом. – Он хороший мужик, богатый. Как он со мной себя вел, как джентльмен, так ухаживал красиво, подарками заваливал, ты же помнишь сама. Образцовые отношения, как будто по шаблону... думала, что рядом с таким мужиком стану счастливой, остепенюсь... но...

– Тебе нужны пожары, – заключила я.

– Один, – исправила она, горько усмехнувшись. – Всего один пожар. О! Как же сильно я хочу обратно!

– Поедь. Ты же говорила, что у тебя накопились хорошие сбережения с продажи квартиры мамы.

– Да, но... я не могу. А вдруг он меня отвергнет? Я столько эмоций просто не вывезу!

– И что? Ты решила окончательно и бесповоротно? – я начала бояться, что в каждом моем вопросе о ее муже Вера увидит скрытый смысл. Но ей явно было не до копания в этом.

– Ты точно больше не хочешь быть с Димой?

Ох, я редко его так звала. А сейчас назвать его просто по имени получилось так... Черт! Мне понравилось произносить его имя вслух. Но я никогда не позволю себе полностью признаться в этом...

– О, да, теперь я еще больше осознаю свою ошибку. Я их так много совершила из-за меня и моего эго столько людей пострадало...

– Ты же, вроде как, исцелилась полностью, – заметила я.

– Да я про другое, я потом с тобой об этом поговорю, когда буду в ресурсе. Сейчас я хочу страдать!

Да, моя подруга очень импульсивная. Я всегда удивлялась, какие они с Дмитрием Сергеевичем разные, и не понимала, как они так долго провстречались. Может, он хорошо ее “заземлял”, а она его – “разжигала”?

– А почему он... такой... безэмоциональный?

– Ты про Диму?

– Д-да про Дмитрия Сергеевича, – я начала заикаться на его имени. К чему бы это? – Ты как-то рассказывала, но забыла...

Не слушала тогда. Было совсем не интересно. Занята была очередными неудачными отношениями. Когда тебе уже за двадцать пять, а нормальных длительных и стабильных отношений нет и не предвидится, тебя начинает терзать только один вопрос: что со мной не так?

– Родители его таким воспитали... – пробормотала Вера. – Там кринжатина полная! Вставать ровно по будильнику, расписания как у долбанного робота чуть ли не с пеленок: он же умный, пиздец! В крутой академии учился. В него предки столько бабок ввалили, сделали вундеркиндом. А надо было просто человеком. Нормальным, блин, человеком! Они с братом вместе росли, только один бунтанул и послал предков к чертям, а этого задавили. Там не свекры, а газлайтеры чертовы, ой, чур меня! Надо скорее разводиться и больше с ними никогда не пересекаться! Хорошо, что ты напомнила... Пойду Диме наберу, приглашу на развод. Хоть отвлекусь немного. Возможно уйду в нору и позализываю раны. Не волнуйся, я скоро все исправлю.

Я положила трубку со странным чувством, в котором большей долей была жалость к Дмитрию Сергеевичу.

Посмотрела в окно. Дождь усилился. Капли барабанили по стеклу, мерно, тихо, спокойно.

Мне по-прежнему хотелось рассказать Вере о Дмитрие Сергеевиче. Но сегодня я сдержалась. Сдержалась ради нее. Ради нашей дружбы.

Внутри все клокотало. Я поняла, что больше не могу держать все в себе.

Достала телефон и нажала на имя “мама”.

С дрожащими пальцами я набрала номер. Каждый гудок отдавался пульсирующей тревогой. Я столько раз представляла этот разговор, но сейчас, когда он действительно начинался, слова застревали в горле комом. Наконец, она ответила.

– Алло, моя дорогая! Как я рада твоему звонку! – Ее голос, теплый и родной, как всегда, вызвал волну воспоминаний о беззаботном детстве. Но сейчас мне было не до приятных воспоминаний.

На фоне слышались веселые голоса. Я узнала Эмму, мою среднюю сестру.

– Mam, тебе какая больше нравится? – щебетала она. – С кружевом или с жемчугом?

– С жемчугом, конечно! Тебе в ней будешь как настоящая принцесса! – ответила мама.

Сердце сжалось от боли. Эмма готовилась к свадьбе, к своему счастливому будущему. А я... я чувствовала себя на краю пропасти.

– Mam... можно с тобой поговорить? – прошептала я, пытаюсь унять дрожь в голосе.

– Солнышко мое! Что случилось? Ты какая-то взволнованная.

– Mam, мне нужно тебе кое-что рассказать. Очень важное.

Я замолчала на мгновение, собираясь с духом. Слова казались предателями, отказываясь озвучиваться.

– Что-то случилось? Ты не заболела? – в ее голосе прозвучала тревога.

– Нет, мам... дело не в этом. Дело во мне. В... – Я сделала глубокий вдох. – Во мне, как в женщине.

Несколько секунд повисла тишина. Я слышала только ее дыхание в трубке.

– Mam... врачи сказали... что у меня могут быть проблемы... с тем, чтобы забеременеть. Скоро. Если я не потороплюсь... я могу никогда не стать мамой.

Голос сорвался. Слезы хлынули из глаз, обжигая щеки. Я чувствовала себя маленькой девочкой, потерявшейся в большом и страшном мире.

– Ох, моя девочка... – выдохнула мама.

– Mam... у меня никого нет. Я одна. И мне... в общем, я приняла решение обратиться в клинику... и сейчас... они мне помогут. Но, мам... я чувствую себя... такой... мне так одиноко!

Рыдания сотрясали мое тело. Я не могла остановиться.

– Я знаю, что ты и папа всегда были для меня примером. Вы нашли друг друга, создали семью... родили и меня и Эмму и я Эрику. А я... я такая неудачница. Я не смогла найти свое счастье.

– Не говори так, милая. Ты не неудачница. Ты моя самая лучшая девочка.

– Но, мам... Я... я подвела вас.

– Никогда! Ты никогда нас не подведешь.

Я услышала, как мама всхлипнула. Мы обе плакали в телефонную трубку, разделенные расстоянием, но связанные невидимой нитью материнской любви.

– Я приеду, солнышко. Прямо сейчас в такси сажусь. Или папу попрошу привезти к тебе, милая моя!

– Правда? – прошептала я, захлебываясь слезами.

– Конечно, моя маленькая девочка. Я всегда буду рядом.

Ее слова были бальзамом на израненую душу. Впервые за долгое время я почувствовала облегчение.

– Спасибо, мам.

– Не за что, солнышко, жди я скоро буду, – и на фоне уже зазвучал ее крик: – Коля? Коля?! Собирайся, нам нужно в город по делам.

Я услышала папу и Эмму, они что-то спрашивали, но мама, как партизан ничего не сказала. И я знала, что она не скажет.

Разговор закончился. Я положила телефон на стол и разрыдалась с новой силой. Но это были уже другие слезы – слезы облегчения и надежды.

В квартире было тихо, только мой кот Димон (какая, блин ирония!) терся о ноги, мурлыкая, поддерживая. Я взяла его на руки и крепко обняла. Его тепло и мягкая шерсть немного успокоили меня.

Я прижала кота к себе еще крепче и закрыла глаза. Я ждала маму. Ждала ее, как утопающий ждет спасательный круг. И верила, что все будет хорошо.

Ведь у меня есть мама.

И Димон.

14

Повторный прием в клинике дался мне еще тяжелее первого. Ожидание в стерильном коридоре, запах лекарств, лица других женщин, каждая из которых несла в себе свою собственную, тихую драму. Все это давило на меня, вызывало тошноту и головокружение.

Когда медсестра, наконец, позвала меня в кабинет, я чувствовала себя выжатым лимоном. Врач, как всегда, излучала спокойствие и уверенность.

– Здравствуйте, все ваши анализы в порядке, – сказала она с улыбкой. – Мы можем начинать в любой момент. Овуляция у вас должна начаться через три-пять дней.

Сердце бешено заколотилось в груди.

“Начинать...”. Это звучало так просто. Так механически. Но за этим словом скрывалась целая пропасть. Пропасть, в которую я собиралась шагнуть с завязанными глазами.

– Мы готовы провести инсеминацию, как только вы дадите добро, – продолжила врач. – Вы уже выбрали кандидата из нашей базы?

Я кивнула. Но по правде говоря, я плохо соображала. Последние недели вымотали меня до предела. Разговор с Дмитрием Сергеевичем, его предложение, возвращение Веры, которая перестала отвечать на звонки, собственная нерешительность... все смешалось в какой-то невразумительный ком.

Я выбрала кого-то... точнее, мы с мамой вместе выбрали какого-то кандидата. Вроде бы приличного. Высокий, спортивный, с высшим образованием. Стандартный набор. Я даже не помнила его лица. Имени. Ничего.

И вдруг меня накрыло осознание. Скоро сперма этого человека... этого совершенно незнакомого мне человека... окажется внутри меня. Человека, которого я никогда не видела и никогда не слышала. Человека, чье ДНК станет частью моего ребенка.

Меня буквально передернуло. От отвращения. От страха. От какой-то первобытной брезгливости.

– Мне... мне нужно подумать, – пробормотала я, поднимаясь с кресла.

Врач нахмурилась.

– Что-то не так?

– Все в порядке, – соврала я. – Просто... мне нужно время.

Я вылетела из кабинета, как ошпаренная. Мне нужен был воздух. Мне нужно было бежать. Как можно дальше.

☆+°.##*+◇

На работу я опять опоздала.

Схватила какие-то документы в руки под предлогом подписи. Просто чтобы хоть чем-то занять себя. Чтобы не сойти с ума от нахлынувших эмоций.

И пошла на негнущихся ногах в офис босса. В кабинет Дмитрия Сергеевича.

Я постучала и, не дождавшись ответа, вошла.

Дмитрий Сергеевич что-то внимательно читал в компьютере. На его лице было довольно странное выражение. Словно он пытался решить какую-то сложную задачу. Словно его что-то мучило.

Когда он увидел меня, выпрямился. Во взгляде мелькнуло удивление. И... что-то еще. Все та же нежность. И боль.

Тишина повисла в воздухе. Напряженная. Давящая. Словно вот-вот должна была разразиться гроза.

– Вы... что-то хотели? – спросил он, нарушая молчание. Голос звучал хрипло. Неуверенно. Совсем не так, как обычно.

Я смотрела на него, и мне хотелось плакать.

– Да, – прошептала я. – Просто... просто хотела узнать... какие вы предлагаете условия? Он выпрямился в кресле, отложил ручку. В его глазах мелькнула тень... облегчения?

– Условия? – спросил он ровным тоном.

Я глубоко вздохнула.

– Какие условия? Если вы все-таки решите стать донором...

Он смотрел на меня пристально, словно пытаюсь прочесть мои мысли.

– У меня нет никаких условий, – его спокойным голосом можно аудиокниги читать. Нечеловеческая выдержка! В то время как я тряслась, как заяц. – Я готов помочь на ваших условиях. Иначе, это уже не помощь.

Никогда не задумывалась над этим, но он прав. Лишь то, что ты делаешь безвозмездно, не ожидая даже благодарности можно считать настоящей помощью. Блин, такие простые слова, а сколько в этом глубины. Я только за них по-другому посмотрела на этого человека.

– Почему? – я не могла удержаться от этого вопроса. – Почему вы предложили это мне?

Он отвел взгляд.

– Мы знаем друг друга давно и... – тихо произнес он. – Я просто хочу помочь. Просто помочь.

Я не верила ему. Вернее, верила лишь отчасти. Я чувствовала, что за его словами скрывается нечто большее.

Вера говорила, что у него есть желание завести ребенка. Точнее, она не уверена, что это его желание, скорее в его идеально выстроенном и спланированном мире стоит по расписанию “ребенок до 35-ти”. Насколько я помню, ему уже исполнилось 35. План вышел из под контроля

Как и у меня.

Но почему-то... мое внутреннее чутье подсказывало, что он предлагает мне помощь не из-за своего графика. И не из своих планов. Я чувствовала, что он хочет искренне помочь.

И эта помощь не ограничится только лишь донорством...

– Хорошо, – тихо сказала я, чувствуя что меня вот-вот снесет штормом эмоций.

Дмитрий Сергеевич снова посмотрел на меня. В его глазах промелькнуло что-то, похожее на радость. На его лице не дернулось ни единой мышцы, но его глаза... в них была целая вспышка эмоций.

Под этим взглядом я не знала куда деться.

Он медленно поднялся из-за стола. Тяжелое кресло издало тихий скрип, нарушив звенящую тишину.

Мне показалось, что он сейчас подойдет и обнимет меня. Инстинктивно я приготовилась к этому объятию – грубому, наверное, неуклюжему, но такому искреннему, которого он, возможно, сам боялся.

Но он не подошел. Остановился в нескольких метрах от меня, словно между нами была невидимая стена. Я видела, как напряглись его челюсти, как он сжал кулаки. Он боролся. Боролся с самим собой, со своими чувствами, со своим обуревающим его желанием выпустить хоть малую толику эмоций наружу.

Наконец, он заговорил. Его голос, обычно твердый и уверенный, сейчас звучал слегка хрипло и с нескрываемым волнением. Он тоже не мог скрыть его, как ни старался.

– Вы... – начал он, сделав небольшую паузу, словно подбирая слова. – Вы уверены?

В этом вопросе слышалась не только забота, но и какое-то робкое, почти детское удивление. Словно он и сам не мог поверить в происходящее. Словно боялся, что это всего лишь сон.

– Да, – ответила я твердо, глядя ему прямо в глаза. – Я уверена.

И в этот момент я поняла, что это не только мое решение, но и его тоже. И что он, возможно, даже больше, чем я, нуждается в этом ребенке. В этом маленьком комочке жизни, который навсегда свяжет нас вместе.

– Вы не должны ни о чем беспокоиться, – заверил он, его голос слегка подрагивал. Он волновался и это было очевидно. – Я обеспечу полную финансовую поддержку. Все приемы в клинике, я знаю что все это очень дорого, процедуры, лекарства – все будет оплачено. Вы не будете нуждаться ни в чем.

Я молчала, обдумывая его слова. Это было щедро. Вера говорила... да я и сама это замечала, что он никогда ничего не жалел для нее.

– Что дальше? – спросила я. – После рождения ребенка... Вы захотите участвовать в его жизни?

Этот вопрос, кажется, застал его врасплох. Он задумался, нахмутив брови. Я видела, как он борется с собой, как пытается подобрать правильные слова.

– Я... не знаю, – признался он, наконец. – Это зависит от вас. Если вы захотите, чтобы я был рядом... я буду. Но я не стану навязываться.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, что скрывается за его сдержанностью. Я чувствовала, что на самом деле он хочет участвовать не только в жизни ребенка, но и... в моей. Но он боялся сказать это вслух. Боялся спугнуть меня.

Это было видно в его взгляде. В его тихой надежде. В его скрытой нежности.

Но я не могла пока думать об этом, разбираться, копаться. По крайней мере, пока. Слишком много всего произошло. Слишком много нерешенных вопросов. Слишком много страхов.

– Через три дня они планируют делать мне процедуру инсеминации, – сказала я, чувствуя, как краснеют щеки. Говорить ему это, обсуждать с ним было так... странно. – Вы... вы будете готовы?

Дмитрий Сергеевич подошел к столу, взял ручку и блокнот:

– Говорите название клиники, адрес, – деловито потребовал он, словно босс, приказывающий, отдающий распоряжение. Но потом сам же осознал, как звучал его голос и немного смягчился. – Обещаю, все будет готово.

Он посмотрел на меня своим пронзительным взглядом от которого по спине пробежали мурашки. Он впервые так на меня посмотрел.

– Я не подведу вас, – сказал он.

И что-то мне подсказывало, что он говорил не только о клинике.

15

Белые стены “Гармонии жизни” опять давили своей стерильностью. Медсестра проводила меня в небольшую комнату с регулируемой кушеткой и аппаратом УЗИ.

Инсеминация. Слово звучало научно, отстраненно, а на деле... на деле я чувствовала себя лабораторной мышью, частью сложного, но бездушного эксперимента.

Переодевшись в больничную рубашку, я села на кушетку, ожидая врача. Сердце колотилось так, словно меня дефибриллятором шарахнуло.

И еще это их условие: полный мочевого пузыря – я была на грани позорной лужи под кушеткой. Перестаралась, перепила воды. Да еще и страшно было до чёртиков.

Этот самый страх сковывал движения, тело стало, как у негнушейся марионетки.

Что, если ничего не получится? Что, если организм отторгнет? Что, если...

В голове роились вопросы, множились сомнения. Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Нужно было сосредоточиться на позитивном. На том, что у меня есть шанс. Небольшой, призрачный, но шанс.

Дверь открылась, и вошел врач – Оксана Демидовна Куликовски с усталым, но добрым лицом. Она улыбнулась, пытаюсь ободрить меня.

– Добрый день. Вы готовы?

Я кивнула, стараясь изобразить спокойствие. Она что-то быстро проговорила о процедуре, о том, что она практически безболезненна и занимает всего несколько минут.

Я слушала вполуха, пытаюсь уловить суть. Но в голове вертелся один-единственный вопрос: выполнил ли Дмитрий Сергеевич свое обещание?

После нашего разговора в его кабинете, он был так занят работой, что больше ни разу со мной не пересекся. Даже взглядом. Никак и ничем не показал своего участия.

А я боялась спросить, боялась разрушить хрупкое равновесие, которое между нами возникло.

Я лежала и думала о новой глупой фобии. Боялась, что врачи что-то напутали. Что Дмитрий Сергеевич не приходил в эту клинику и мне поместят сперму randomного человека.

Но тут же я себя успокаивала. Если он не предоставил свой ... ээээ... материал... то мне и делать процедуру будет нечем.

И я не оплачивала ничего на ресепшн, значит и эту часть обещания он тоже сдержал. Это, конечно, приятный бонус, потому что мне бы пришлось выложить приличную часть накоплений. Особенно, если бы не получилось с первой попытки.

Врач тем временем подготовила все необходимое. Она провела аппаратом УЗИ по моему животу, показывая изображение матки на мониторе.

– Сейчас я введу катетер, – сказала она. – Будет немного неприятно, но это быстро.

Я зажмурилась, чувствуя легкое давление. В голове промелькнула мысль, что я так и не выбрала донора. Вернее, не стала выбирать... Значит, это он? Дмитрий Сергеевич? Значит, внутри меня сейчас... его сперма? От этого осознания по телу пробежала странная волна – то ли благодарности, то ли... чего-то похожего на трепет.

Процедура заняла не больше пяти минут. Врач убрала катетер и улыбнулась.

– Все прошло отлично. Полежите немного, отдохните.

Она вышла, оставив меня одну в тишине комнаты.

Я лежала, уставившись в белый потолок, и пыталась осознать происходящее. Во мне... возможно... скоро зародится новая жизнь. Мой ребенок. Или... наш ребенок?

Это так странно. Я, обычная сотрудница, лежу здесь со спермой своего босса внутри. И если все получится, через несколько месяцев мы станем родителями.

И что потом? Как мы будем смотреть друг на друга на работе? Как будем делать вид, что между нами ничего не происходит? Как будем скрывать от всех правду?

В голове всплыл его образ – сдержанный, строгий, властный. И в то же время... такой растерянный и уязвимый, когда я дала свое согласие. Смогу ли я ему доверять? Сможем ли мы найти выход из сложившейся ситуации? Ведь чужой человек и донор не будет и не станет заявлять права на отцовство, а что, если Дмитрий сергеевич станет?

Я закрыла глаза, пытаясь отбросить все сомнения. Нужно верить. Нужно надеяться на лучшее. Ведь сейчас самое главное, чтобы все получилось.

Лежала и представляла себе, каким он будет – этот ребенок. Будет ли он похож на меня или на Дмитрия Сергеевича? Какие у него будут глаза, волосы, характер?

Я думала о многом, даже молилась. Все, только бы не сойти с ума.

☆+ °. *##* + ✧

Закончив разговор с медсестрой, я на дрожащих ногах побрела из клиники. Нужно на работу, а у меня ноги подкашивались, в горле пересохло.

Села на скамейку в парке, перевести дух. Мне нужно было услышать мамин голос. Сейчас, как никогда.

Набрала номер. Длинные гудки казались вечностью. Наконец, она ответила.

– Алло, доченька! Как ты? Все прошло? – в голосе мамы звучала неподдельная тревога и, вместе с тем, ласковая нежность, которая всегда, с самого детства, помогала мне преодолевать любые трудности.

– Да, мам... Все закончилось. Но я... я так волнуюсь. Не знаю, что и думать. Хочется с кем-нибудь поговорить...

– Ну, конечно, солнышко! Я слушаю тебя. Рассказывай все, как есть. Выкладывай все, что у тебя на душе.

Я глубоко вздохнула, собираясь с духом. Слова лились потоком, как будто плотину провало.

– Мам, там... все эти процедуры. Кругом белые стены, врачи что-то говорят... Я там чуть не описалась! Это так жестко было пролежать на кушетке полчаса, с полным мочевым пузырем.

Мама смеялась вместе со мной.

– Я так хочу, чтобы все получилось!

– Я знаю, милая. Это очень волнительно. Но ты у меня такая смелая! Ты справишься. Все будет хорошо.

– А вдруг нет, мам? А вдруг мой организм все отторгнет? А вдруг...

– Тихо-тихо, солнышко! Не накручивай себя. Думай о хорошем. Представляй, каким будет твой малыш. Он будет самым прекрасным ребенком на свете!

– Да? – тихо спросила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. – А каким он будет?

– Ну, конечно, самым красивым! Помнишь фотографии этого донора-банка? Он таким ангелочком был в детстве! Вот и твой малыш будет точно такой же. Пухленькие щечки, большие глазки...

Я машинально улыбнулась. Мама всегда умела меня подбодрить. Ее слова звучали как волшебное заклинание, отгоняя страхи и сомнения.

– Спасибо, мам, – прошептала я. – Ты всегда знаешь, что сказать.

Но тут в голове всплыла мысль. Я так и не сказала маме правду. Правду о том, кто стал донором для моего будущего ребенка. Я решила.

– Мам... тут такое дело. Я тебе кое-что не рассказала.

В голосе мамы проскользнула тревога.

– Что случилось, доченька?

– Я... я передумала насчет донора.

– Передумала? И кто же тогда? Ты выбрала кого-то другого из каталога?

Я зажмурилась.

– Нет, мам. Я нашла донора сама.

– И кто же он? Ты с ним знакома?

– Да, мам. Очень хорошо знакома.

Наступила долгая пауза. Я чувствовала, как мама волнуется даже через динамик телефона.

– И кто же он, доченька? Не мучай меня.

Я выдохнула.

– Это... мой босс.

В трубке воцарилась гробовая тишина. Казалось, время остановилось. Я слышала только тяжелое дыхание мамы. Мне стало страшно. Я на секунду пожалела, что открылась ей.

– Босс...? – наконец, прошептала мама. – Твой босс...? Дмитрий Сергеевич? Он же... разве это не муж твоей Веруньки? Ты же не свадьбе у них только что была...

– Да, мам, слушаем и не осуждаем, – прошептала я в ответ. – Не спрашивай, как так вышло.

Последовала еще одна долгая пауза. Я думала, что мама сейчас начнет кричать, ругать меня за безрассудство. Но вместо этого она произнесла:

– Ну... это... неожиданно. Очень... неожиданно.

– Мам, я знаю. Я понимаю, что ты волнуешься. Но я... я верю, что это правильное решение.

– Ох, доченька! Я тоже надеюсь на это. Я очень надеюсь. И теперь еще и волнуюсь.

– Не нужно, мам. Там долгая история, но если вкратце, то они с Верой собираются разводиться. А Дмитрий Сергеевич, он... он предложил сам свою кандидатуру.

Мама вздохнула.

– Ну, если он сам и... если вы оба этого хотите... Тогда я желаю вам удачи. И... любви. Я улыбнулась сквозь слезы. Мамулечка моя романтичная!

– Спасибо, мам. Я люблю тебя.

– И я тебя, солнышко. Все обязательно будет хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.